

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 1–2

2020

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2020, № 1-2

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2020, № 1-2

It is founded in 2016.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-65899 от 06 июня 2016 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, директор ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

Registration number al PI № FS 77-65899 of 06/06/2016 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Director of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology
Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского технического университета;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования Кубанского государственного университета;

Семенов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начального образования факультета психологии, педагогики и дефектологии Донского государственного технического университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Аванесян Грант Михайлович,

член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии, Ереванский государственный университет, г. Ереван;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта Донского государственного технического университета, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Кашкаров Алексей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Куликова Элла Германова,

доктор филологических наук, профессор заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет;

Невский Сергей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник
ВНИИ МВД России;

Рассказов Леонид Павлович,

заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского
государственного аграрного университета.

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии
и инклюзивного образования, Донской государственной технической
университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и
педагогических наук, Академия психологии и педагогики, Южный
федеральный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of psychological sciences, Professor, Dean of the faculty of psychology, pedagogy and defectology of Don Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Yury V. Luchinsky,

Doctor of philology, Professor, Head of the department of history and legal regulation of the Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of department of criminal proceedings of the Kuban State University;

Olga D. Fedotova,

the Doctor of pedagogical sciences, Professor managing department of primary education of faculty of psychology, Pedagogics and defectology of the Don State Technical University.

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Grant M. Avanesyan,

Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the department of the General Psychology, Yerevan State University, Yerevan;

Elena A. Bayer,

Doctor of pedagogical sciences, Professor of department of the theory and practice of physical culture and sport of the Don state technical university, Director GKUSO RO of the Azov center of the help to children;

Alexey A. Kashkarov,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Chief of department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena Yu. Kolomiytseva,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Journalism, Moscow State Art and Cultural University;

Ella G. Kulikova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and the Standard of Speech, Rostov State Economic University;

Sergey A. Nevsky,

Doctor of Law Sciences, Professor of operational strategy and technical measures Department in the Institute of advancement qualification under the Ministry of Internal Affairs;

Leonid P. Rasskazov,

Honored Public figure of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History, Law and State at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin.

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the department of Defectology and Inclusive Education, Donskoy state technical university;

Lyubov Y. Horonko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of department of Education and Pedagogical Sciences, Academy of psychology and pedagogics, Southern Federal University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич
Тел.: +7(928) 268-34-15
e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна
Тел.: +7(988) 167-67-67
e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных Партизан д. 371 оф. 28

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(861) 226-08-65

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

371, of. 28, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Krasnodar district, 350049, RF.

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(861) 226-08-65

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Воронкова Л.С.*
Актуальные проблемы современной юридической лингвистики 19
- Ястребова О.И., Хоконова З.А.*
Иностранный язык как социо-культурный фактор
профессиональной речи юриста 22

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- Гришай В.Н., Курносенко А.А., Сыпачев С.В., Гребенюк Д.В.*
Социальное познание в современном российском обществе 29
- Попова Т.В., Зенин К.А., Тищенко А.В., Мусаев А.Р.*
Современная теория рефлексивной природы человеческого разума 33

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Старостенко О.А.*
Профилактика и предупреждение кибермошенничества 41
- Табакова Н.А.*
Уголовно-правовая охрана рынка ценных бумаг. Китайская модель 45
- Тростянецкая В.В.*
Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за возбуждение
ненависти либо вражды, а также, унижение человеческого достоинства
с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» 51
- Усачева А.П.*
К вопросу о допустимости превышения пределов
необходимой обороны в рамках ст. 1161 УКРФ 56

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Базаева Ф.У.*
Профессиональная рефлексия будущих
педагогов и способы её развития 63
- Гришай Е.В., Шубакин А.А.*
К вопросу о дидактике как о теориях образования
и технологиях обучения 69

<i>Пуйлова М.А., Лебедь И.С., Фоменко Т.Г.</i> Преимственность в работе детского сада и школы по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма	74
--	----

<i>Тубеева Ф.К., Баликеева М.В.</i> Условия совершенствования связного высказывания у дошкольников с общим недоразвитием речи	79
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гаврилов П.С.</i> Иностранные студенты российских вузов как объект социологического исследования	85
---	----

<i>Григорьева Н.В.</i> Управленческие аспекты функционирования малых городов в условиях глобализации	90
--	----

<i>Кушу А.М.</i> Корпорации как социальное явление: проблематика методологии	99
---	----

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Lyudmila S. Voronkova</i> Actual problems of contemporary legal linguistics	19
<i>Oksana I. Yastrebova, Zara A. Hokonova</i> Foreign language as socio-cultural factor of professional speech of a lawyer	22

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Vladimir N. Grishay, Andrey A. Kurnosenko, Sergey V. Sypachev, Diana V. Grebenyuk</i> Social cognition in modern russian society	29
<i>Tatyana V. Popova, Konstantin A. Zenin, Alexander V. Tishchenko, Alik R. Musaev</i> Modern theory of the reflexive nature of the human mind	33

JURISPRUDENCE

<i>Oleg A. Starostenko</i> Prevention and prevention of cyber fraud	41
<i>Natalia A. Tabakova</i> Criminal law protection of the securities market. Chinese model	45
<i>Victoria V. Trostyanetskaya</i> Socio-legal conditionality of criminal liability for incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity using the information and telecommunications network «Internet»	51
<i>Alena P. Usacheva</i> On the question of the admissibility of exceeding the limits of necessary defense under Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation	56

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Fatima U. Bazaeva</i> Professional reflexion of future teachers and ways of its development	63
<i>Elena V. Grishay, Alexey A. Shubakin</i> To the question of didactics – as theories of education and learning technologies	69

Marina A. Pouilova, Irina S. Swan, Tatiana G. Fomenko
Continuity in the work of the kindergarten and school
for the prevention of children's road traffic injuries 74

Fialeta K. Tubeeva, Madina V. Balikoeva
Conditions for improving coherent utterance
in preschoolers with general underdevelopment of speech 79

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Pavel S. Gavrilov
Foreign students of Russian universities
as an object of sociological research 85

Natalia V. Grigorieva
Management aspects of small-town performance in globalization 90

Arsen M. Kushu
Corporations as a social phenomenon: the problem of methodology 99

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY LEGAL LINGUISTICS

Воронкова Людмила Сергеевна

старший преподаватель
кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ukka777@yandex.ru

Lyudmila S. Voronkova

Senior Lecturer of the Department
of Linguistics and foreign languages,
North Caucasus Branch
Russian State
University of Justice
ukka777@yandex.ru

Аннотация. В последнее время большинство исследований языка права постепенно сменили акценты – на первый план уже выходят не просто формальные исследования специального языка с точки зрения его терминологического состава или синтаксической структуры, а языковые исследования сменяются междисциплинарными исследованиями. Статья посвящена описанию проблем становления юридической лингвистики, особенностей юридического функционирования языка. Юридическая лингвистика находится на стыке юриспруденции и языкознания. Следовательно, проблемы, изложенные в данной статье, являются актуальными и имеют специфический характер.

**Ключевые
слова:**

юридическая лингвистика, взаимоотношения языка и права, лингвистическая экспертиза, коммуникативный подход, правовая коммуникация.

Annotation.

Recently, most studies of the language of law have gradually changed their focus – not just formal studies of a special language in terms of its terminological composition or syntax structure, and language studies are replaced by interdisciplinary studies. The article is devoted to the description of the problems of the formation of legal linguistics, the peculiarities of the legal functioning of the language. Legal linguistics is at the intersection of jurisprudence and linguistics. Consequently, the problems outlined in this article are relevant and specific.

Keywords:

legal linguistics, the interconnection between language and law, linguistic expertise, communicative approach, legal communication.

«Юрист отличается от остальных тем, что пользуется словами, как математическими формулами» (Георгий Александров).

Юридическая лингвистика (юрислингвистика) – это область языкознания, которая появилась относительно недавно. Она лежит на стыке языка и права и тем самым носит междисциплинарный характер.

Объектом изучения юрислингвистики являются взаимоотношения языка и закона, а одна из основных проблем юрислингвистики – толкование понятий чести, достоинства, оскорбления, мнения и т.д.

Актуальность данной работы заключается в социальной значимости юридического функционирования языка.

Юрислингвистика – это научная дисциплина, объектом изучения которой являются взаимоотношения языка и права. Это относительно новая наука, развивающаяся благодаря трудам юристов и лингвистов, которые действуют сообща.

Юристы Древнего Рима, сформулировав положение о том, что «право может и должно быть определенным», отразили в нем ту задачу, которую и должна решать юрислингвистика, а именно сделать юридический текст точным по своему содержанию и одновременно понятным [1].

Основные аспекты юрислингвистики:

- создание и функционирование специального юридического языка,
- юридическое регулирование конфликтов, связанных с использованием языка: оскорбление и призыв к насилию, плагиат и т.д.;
- регулирование социально-языковых внутригосударственных и межгосударственных отношений; изучение проблем государственного языка, языка межнационального общения и т.п.

С каждым годом интерес к юрислингвистике в российской правовой науке все больше возрастает. Это вполне закономерно, ведь качество существующих законов зависит от уровня технико-юридического совершенства принимаемых законов.

Российская юрислингвистика в настоящее время сконцентрирована на проблеме лингвистической экспертизы. В этой связи, интересны исследования, где в качестве компонента юридической экспертизы используется коммуникативный, функционально-деятельный подход. На примере провокационных листовок, фигурирующих в качестве доказательства по одному из дел о разжигании межнациональной неприязни, можно выделить коммуникативную цель и коммуникативную перспективу, что позволяет обнаружить провокационную коммуникативную стратегию, то есть, когда, декларируемые в тексте цели и задачи, оказываются далеко не первоочередными в смысловой программе сообщения, либо попросту мнимыми. В связи с этим, особую важность коммуникативный подход в лингвистической экспертизе представляет для криминалистики, где для анализа важны «не только сам текст как объективная лингвистическая данность, но и его коммуникативные характеристики: автор и читатель, «стоящие за текстом», коммуникативная тактика и стратегия, цель и перспектива текста, особенности речевой ситуации» [3].

Актуальной темой в современной юрислингвистике является вопрос о правовой коммуникации в законотворчестве. Н.А. Любимов, применяя основные положения общей теории коммуникации, разработанной американским лингвистом К. Шенноном, а в дальнейшем, получившей свое отражение в трудах Р. Якобсона, выводит понятие «правовая коммуникация» применительно к сфере общественной жизни. Правовая коммуникация – это проходящий в правовой сфере общественной жизни процесс передачи правовой информации от правотворческого органа к правоприменителю [4].

Одна из ключевых проблем лингвистики, которая естественным образом становится фундаментальной для юрислингвистики, – проблема самой природы языка, его слов, которая формулируется в древнем философском споре о том, как возникают имена: по природе или по установлению. Совершенно очевидно, что юристы склонны видеть в языке только сторону «по установлению» и именно на ней основывать свою законотворческую и правоприменительную деятельность в связи с языком и речью. Все, что касается природно-стихийной стороны, то она не замечается ими, значимость этой стороны не дооценивается.

Также, в круг проблем юрислингвистики входит и проблема процесса интерпретации текста закона. В связи с этим следует различать юридические и законодательные техники. Юридическая техника лежит в основе искусства прочтения текста закона. Законодательная же техника – это техника письма закона [2].

В заключение хотелось бы отметить, что юрислингвистика – это относительно молодой раздел лингвистической науки, который в настоящий момент переживает период активного развития. В последнее время большинство исследований языка права постепенно сменили акценты – на первый план уже выходят не просто формальные исследования специального языка, с точки зрения его терминологического состава или синтаксической структуры, а языковые исследования сменяются междисциплинарными исследованиями. Язык права исследуется как социальный феномен, не случайно, в этой связи, появляются социолингвистические исследования проблем понимания юридической речи неспециалистами. Проблемы, которыми занимается юрислингвистика, многогранны и непросты. Одни из них требуют одновременно юридической и лингвистической компетенции, для решения других необходимы глубокое теоретическое осмысление и практическая разработка. Тем не менее, можно сделать вывод о том, что состояние юридической лингвистики как науки находится на стадии активных научных исследований языка права во всем мире.

Литература:

1. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в двух томах. М.,1982. Т. 2.
2. Баранов В.М., Александров А.С., Голев Н.Д. Риторика и право / В.М. Баранов, А.С. Александров, Н.Д. Голев // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы.
3. Любимов Н.А. К вопросу о правовой коммуникации в законотворчестве / Н.А. Любимов // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы.
4. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: за и против. Сборник статей. М.,1975.

Literature:

1. Alexeyev S.S. General theory of law: Course in two volumes. M., 1982. Vol. 2.
2. Baranov V.M. Rhetoric and Law / V.M. Baranov, A.S. Alexandrov, N.D. Golev // Jurislingvistica-Problems of legal and political examination.
3. Lubimov N.A. To the question of legal communication in law-making / N.A. Lubimov // Jurislingvistics-3: Problems of legal and political examination.
4. Jacobson R. Linguistics and Poetics / R. Jacobson // Structuralism: for and against. A collection of articles. M.,1975.

**ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ЮРИСТА**

**FOREIGN LANGUAGE AS SOCIO-CULTURAL FACTOR
OF PROFESSIONAL SPEECH OF A LAWYER**

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
miss.oxana@yandex.ru

Oksana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
Russian State
University of Justice
miss.oxana@yandex.ru

Хоконова Зара Азаматовна

студентка
по специальности «Судебная
и прокурорская деятельность»
уголовно-правовой профиль,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
zara.xokonova7@mail.ru

Zara A. Hokonova

Student
in the specialty «Judicial
and Prosecutorial Activities»
Criminal Law Profile,
North Caucasus branch
Russian State
University of Justice
zara.xokonova7@mail.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой лингвистическое исследование, описывающее типичные лингвистические особенности юридического английского языка с акцентом на речевые особенности языка юристов. В ней авторами рассматривается роль юристов в становлении и развитии правовой сферы общества, определяется понятие и особенности формирования культуры речи юриста, уделяется внимание роли культуры речи в профессиональной юридической деятельности.

Ключевые слова:

речевые особенности, юридический английский, юридические термины, английский язык.

Annotation. This article is a linguistic study describing the typical linguistic features of law English with an emphasis on the speech features of the language of lawyers. This article discusses the role of lawyers in the establishment and development of the legal sphere of society, determines the concept and features of the formation of a lawyer's speech culture, pays attention to the role of culture of speech in professional legal activities.

Keywords: speech features, legal English, legal terms, English.

Язык, с одной стороны, выступает в качестве хранителя и транслятора культурной традиции, с другой, – объединяет поколения и народы в коммуникативном пространстве, является показателем идентичности личности. Хотя язык – не единственный фактор идентификации, все же, он играет интегральную роль в чувстве принадлежности отдельного индивидуума к социуму. Без языка нет совместного базиса для коммуникации внутри общества.

Речевые умения связаны с овладением речевой деятельностью и речевыми средствами общения. К ним относятся следующие умения:

- грамотно и ясно сформулировать свою мысль;
- достигать желаемой коммуникативной цели;

- осуществлять основные речевые функции;
- говорить выразительно;
- высказываться «целостно»;
- говорить самостоятельно;
- выражать в речевой деятельности собственную оценку прочитанного или услышанного.

Специфика профессионального общения юриста требует от него высокоразвитых коммуникативных качеств, навыков и умений, которые формируются как в процессе обучения, так и в процессе самообразования и практики. Особую роль в развитии этих качеств играют самоанализ, упражнения и психологические тренинги.

Изучение вопросов права, составление юридических документов и контрактов, ведение дел, встречи с клиентами, посещение суда и налаживание контактов с юристами – это только часть повседневных обязанностей юриста. Умение расставлять приоритеты и оставаться сосредоточенным среди конкурирующих приоритетов имеет немалое значение, и именно поэтому так важны организационные навыки.

В процессе своей деятельности юрист сталкивается с самыми разными людьми, и, чаще всего, результат его деятельности зависит от эффективности совместной с ними работы. Юристы должны сотрудничать с коллегами и партнерами, а также, поддерживать связь с клиентами. Умение работать в команде имеет важное значение для сотрудников, так как необходимо иметь возможность работать с людьми на всех уровнях юридической иерархии, начиная от стажеров и учеников до членов судебной системы. Также, очень важно, чтобы клиенты доверяли своим законным представителям, поэтому необходимо быть представительным, убедительным и вежливым.

Устные и письменные коммуникативные навыки имеют решающее значение для эффективного выполнения обязанностей юриста. Юрист должен быть уверенным оратором, например, когда ведет споры в суде, ведет переговоры или разъясняет сложную информацию. Умение писать не менее важно при составлении писем и юридических документов. Необходимо знать технический и юридический язык, а также, уметь четко и лаконично передать его. Языковое содержание современного юриста невозможно без соблюдения языковых норм и норм культуры речи [2].

Речь юриста, как правило, должна передавать знания, содействовать переходу их в убеждения. Она должна учить, воспитывать, иметь цель повлиять на личность и коллектив, на их настроение, мнения, интересы, поведения и чувства. Для достижения целей устного выступления работника юридического труда нужна высокая речевая и умственная культура. Его речь по содержанию должна быть научной, соответствовать правовым нормам, а по форме – логичной, яркой, образной. Юристу нужно умело связывать содержание своего выступления с жизнью, учитывать состояние и запросы слушающих его людей, пользоваться различными языковыми средствами выразительности (паузы, интонации, ударения и т.п.). Успех такого выступления зависит и от его знаний, профессионального опыта, искренности, свободного владения материалом, самообладания, выдержки, правильного внешнего выражения своих чувств [1].

Язык закона действует как «инструмент общественного контроля и как средство защиты интересов». Юридическая терминология и грамматика для неродных носителей английского языка является достаточно сложной.

Будучи основным средством коммуникации во всем мире, английский язык стал инструментом карьерного роста для всех категорий специалистов, включая юристов, поскольку он позволяет им общаться на международном уровне. Многие ученые уже подчеркивали роль «языка права» как важного не только в контексте права, но и в повседневных ситуациях. Однако это особенно ценно для юристов и юристов-практиков, в целом, поскольку английские юридические документы являются одним из объектов повседневной деятельности юриста, так как они пишут и интерпретируют контракты на английском языке и другие важные документы, которые могут быть сложными, а также включать техническую лексику. Юридическая терминология и грамматика для неродных носителей английского языка могут вызвать трудности.

Термин «legalese» используется для обозначения письменных форм юридического английского языка и, в основном, характеризуется многословием, латинскими выражениями, номинализациями, вложенными предложениями, пассивными глаголами и длинными предложениями.

Особое внимание уделяется таким элементам, как использование новой терминологии, архаической лексики, перформативных глаголов и речевых актов, перформативных высказываний, глагольной формы, конечных глаголов, пассивных форм, субъектов и объектов и т.д. [3].

Понятие «семантические поля» относит юридические языки к семантическому полю права. Такие слова обладают особыми лексическими и грамматическими свойствами, поскольку язык постоянно меняется, потому что постоянно меняются потребности говорящих, и новые слова появляются, благодаря развитию технологий, новым продуктам и новым концепциям, которые также порождают новый словарный запас. Точно так же обогащается юридическая терминология, и юристы нуждаются в обновлении английских новых юридических терминов. Использование архаичных слов, сложных синтаксических конструкций, латинских и французских слов и т.д. делает юридический английский язык очень сложным и трудным для понимания.

Что же касается лексических характеристик, то здесь преобладают три: заимствования из латыни и французского, архаизмы и технические слова. Интересной особенностью юридического языка является использование иностранных слов с преобладанием латинского и французского языков, таких как преступления (действия или акты, которые составляют физические признаки преступления), де-юре (юридически значимого), прецедентное право (принцип прецедентного права, по которым судьи должны следовать предыдущим решениям) [2].

Основная масса слов, используемых в семантическом поле права, иногда, подразделяется на общеупотребительную и техническую терминологию, сравнивая и противопоставляя технические термины и повседневные, подчеркивая значение, возникающее из-за такого разрыва. При переводе такие последствия могут привести к изменению значения юридических терминов при их переводе как с русского языка на английский, так и наоборот. Это означает, что некоторые слова, используемые в юридических текстах, широко используются в повседневном языке (например, появляются, ответ, предъявление обвинения, предположение, дело, слушание и т.д.) в то время, как другие, обычно, являются юридическими (например, залог, банкротство, де-факто, де-юре, уголовное преступление, залог, судебный процесс и т.д.).

Еще одна группа юридических терминов, которые можно рассматривать как специфические, когда речь идет о переводе – юридические документы – это такие наборы слов, подпадающих под одно и то же семантическое поле, но имеющих специфические оттенки значения, которые имеют только один эквивалент в русском языке.

При обсуждении грамматических особенностей юридического языка рассматриваются и анализируются как синтаксические, так и морфологические свойства с точки зрения сравнения русского и английского юридического языка. Одним из наиболее значимых синтаксических свойств юридического языка является длина и сложность предложений. Эта сложность возникает из-за широкого использования сложных синтаксических структур, таких, как придаточные предложения, условные предложения и страдательный залог. Например, «стороны соглашаются в том, что, если какая-либо часть настоящего договора будет признана недействительной или не имеющей законной силы, она будет вычеркнута из протокола, а остальные положения сохраняют свою полную силу и действие».

Юридический язык также характеризуется безличным стилем, избеганием личных местоимений и использованием пассивного вместо активного голоса. Это – такие тексты, которые больше концентрируются на действии. Однако бывают случаи, когда активность необходима для того, чтобы подчеркнуть, кто или что вызвало действие. Отсутствие местоимений делает текст, скорее объективным, чем субъективным. Кроме того, в юридических текстах отмечается, что часто вместо глаголов используются существительные, такие как «быть в согласии» вместо «согласиться», «дать признание» вместо «признать». Обильное употребление имен собственных – еще одна особенность языка права. Большинство из них обозначают названия учреждений, государственных органов, титулов и т.д.

Таким образом, на наш взгляд, возникает острая необходимость в совершенствовании учебно-методической базы языковой подготовки будущих юристов с учетом специфики их профессиональной деятельности.

Литература:

1. Гарибова А.Д. Культура речи юриста / А.Д. Гарибова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2496–2500.
2. Кискина М.В. Английский язык как язык межкультурного профессионального общения современного юриста / М.В. Кискина, С.Ю. Буденная // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 11(51).
3. Руднев В.Н. Культура речи юриста. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт. 2019. 170 с.

Literature:

1. Garibova A.D. Lawyer Speech Culture / A.D. Garibova // Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept». 2016. Vol. 11. P. 2496–2500.
2. Kiskina M.V. English as the language of intercultural professional communication of a modern lawyer / M.V. Kiskina, S.Y. Budennaya // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2018. № 11(51).
3. Rudnev V.N. Culture of speech of a lawyer. Textbook and practical course for academic baccalaureate. M. : Yurayt. 2019. 170 p.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

SOCIAL COGNITION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
vladimirgrishai1969@gmail.com

Vladimir N. Grishay

Doctor of Social Sciences,
Professor,
Professor of the Department,
Essentuki Institute of Management,
Business and Law
vladimirgrishai1969@gmail.com

Курносенко Андрей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент,
начальник,
Главное управление
экономической безопасности
и противодействия коррупции
МВД России
vladimirgrishai1969@gmail.com

Andrey A. Kurnosenko

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Head,
Main Department of Economic Security
and Anti-Corruption of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
vladimirgrishai1969@gmail.com

Сыпачев Сергей Владимирович

кандидат социологических наук,
начальник управления процессуального
контроля и криминалистики,
Главное военное
следственное управление
vladimirgrishai1969@gmail.com

Sergey V. Sypachev

Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department
of Procedural Control and Criminalistics,
Main Military Investigation Department
vladimirgrishai1969@gmail.com

Гребенюк Диана Валерьевна

соискатель
кафедры философии и социологии,
Адыгейский
государственный университет
vladimirgrishai1969@gmail.com

Diana V. Grebenyuk

Candidate
of the Department
of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University
vladimirgrishai1969@gmail.com

Аннотация. В статье отмечается, что социальные теории классического типа, базируясь на общенаучной методологии, всегда требовали ясности в способах или процедурах, обеспечивающих, безусловно твердые, неоспоримые основания для знания. Требования обоснованности и рациональности являются двумя фундаментальными, описательно-оценочными принципами, имманентными самой сути теоретического знания об обществе. Наличие философской методологии исследования является существенным признаком рационального, как строго определенного и единственно возможного способа в исследовании путей развития общества.

Ключевые слова:

объект познания, реальность, рациональность, социальное познание.

Annotation.

The article notes that social theories of the classical type, based on general scientific methodology, have always required clarity in the methods or procedures that pro-

vide, of course, solid, undeniable grounds for knowledge. The requirements of reasonableness and rationality are two fundamental, descriptive and appraisal principles, immanent of the very essence of theoretical knowledge about society. The presence of a philosophical methodology of research is a significant sign of rational, as strictly defined and the only possible way in the study of the ways of development of society.

Keywords: object of cognition, reality, rationality, social cognition.

В современном обществознании складывается устойчивое представление о том, что в настоящее время происходит переход от одного типа общественного развития к другому, который сопровождается сменой типов рациональности культуры, возникновением нового сочетания сосуществующих традиционных, классических и неклассических теоретических моделей общественного развития. По этому поводу Н.С. Автономова пишет: «Одной из наиболее плодотворных концептуальных схем, предназначенных для осмысления специфических особенностей современной рациональности, была типизация рациональности в терминах «классическое – неклассическое» [1].

Современное теоретическое естествоведение во все более серьезных масштабах обращается к проблематике неклассичности, нетрадиционности современного социального мышления, осмыслению перспектив новых философских теорий, концепций, метатеорий, которые могут стать парадигмами, соответствующими новой научной картине мира, новой культуре социального мышления. «Проблематика неклассичности сегодня переживает бурную эволюцию своего содержания. Она возникла в свое время как символ революционных перемен в основаниях физики, развиваясь в контексте действия космологических антропных принципов, возникающей синергетикой и системогенетикой, которые принесли с собой новый, неклассический креационизм без бога в основании современной науки как механизма постижения законов «самотворящей природы» [2].

В условиях умножения вариантов научного объяснения мира, его истории и современного состояния, традиционным стало полипарадигмальное видение общественного развития. «Хотя с некоторых пор мы привыкли приписывать научному знанию верховный социальный и эпистемологический статус, к которому добавляется привилегия судить о правоте иных убеждений, будет все же большим упрощением отбрасывать как иррациональное, эмоциональное и необоснованное всякое явление, к которому не приложимы стандарты научной рациональности. Допуская другие – социальные – стандарты в качестве столь же правомерных, философ смотрит на науку как на социальный институт и на научное знание как на социальную конструкцию» [3].

Будучи продуктом мыслительного эксперимента, идеализированные объекты классической теории представляют собой не только упрощение и схематизацию исследуемого объекта за счет абстрагирования от несущественных в определенном контексте свойств и отношений, но и его «доорганизацию» в процессе идеального конструирования, что затем сказывается на жизненнопрактических последствиях. При реализации конкретного социального проекта возникает необходимость действовать так, будто классическая теоретическая схема и есть сам мир, а ее идеализированные объекты – реальные связи и отношения самой действительности. «Исходя из такой методологии, ищут такие абстракции, которые бы преодолевали противоречия. В качестве абстракций они действительно могут быть найдены, но при взаимодействии с действительностью вновь распадаются на части, противоречащие друг другу» [4]. Издержки процедуры абстрагирования социальной жизни проявляется в том, что в результате выделения единственной «истинной» причины всех социальных отношений следствием оказывается одномерность восприятия реальности.

Социальные теории классического типа, базируясь на принципе фундаментализма, всегда требовали ясности в способах или процедурах, обеспечивающих, безусловно, твердые, неоспоримые основания для знания: «Требование обоснованности и рациональности являются двумя фундаментальными, описательно-оценочными принципами, имманентными самой сути теоретичности знания» [5]. Считается, что наличие особого метода исследования является существенным признаком рационального как строго определенного и единственно возможного способа в разумном исследовании.

В целом же, для классической теории были характерны следующие убеждения:

– истина одна, а заблуждений много: предполагается, что истинное знание воплощено в совокупности понятий и категорий, законов и теорий, которые находят свое выражение в словах как непосредственном проявлении мысли;

- социальные и психологические препятствия получению этой единственной истины (например, идола Ф. Бэкона) со временем будут устранены, поскольку объект познания независим по отношению к сознанию и сам задает содержание знания;
- мир развивается на разумных основаниях, наилучшие из которых могут быть установлены наукой, поскольку именно научная рациональность в значительной мере соответствует идеалам классической рациональности: она предполагает существование нормативов и критериев, позволяющих провести демаркационную линию, позволяющую отличить научное знание от ненаучного;
- применение знания не имеет отношения к его производству;
- наука и рациональное мышление являются факторами, легитимирующими социальные решения и социальное развитие, в целом, поскольку классическая социальная теория «исторически возникла и развивалась в рамках проективно-конструктивного отношения к социальной действительности, не только допускающего рационализацию форм управления, но и прямо ориентирующего на преобразование и контроль социальных явлений»;
- ориентируясь на науку, можно обеспечить прогресс общества и установить нормативные, должные образцы его состояния и развития;
- теоретический и практический разум не совпадают, а в последствие расходятся. Фактический приоритет получает теоретический разум над практическим, моральным сознанием; классическая социальная теория «только в том случае оправдывает свое наименование, когда выступает предпосылкой и необходимым условием социологического эксперимента во всех его формах: от самого «мягкого» наблюдения до самого «жесткого» лабораторного моделирования» [6].
- итогом всего является торжество общезначимого, целого над частным, истинного над неистинным несмотря на то, что «классические определения знания как субъективного образа объективного мира, как отражения объективной реальности не содержат в себе указаний на то, как различать знание, и на то, что им не является» [7].

Вопрос же о том, в какой мере социальная теория классического типа может служить основой для изменения жизни общества, в каких пределах возможно вмешательство в жизненный мир человека – в настоящих условиях приобретают не только теоретическое, но и практическое значение. «В своей действительности социальное действие как специфический объект социальной науки всегда определено некоторой социальной системой понимания [7].

Современная методологическая ситуация в отечественном социальном познании характеризуется скорее инверсионной логикой смены классических исследовательских парадигм.

Осознание пределов адекватности социальной теории классического типа, акцент на социально-культурное многообразие требует более четкого понимания глубокой и устойчивой зависимости метода исследования социального объекта от его природы, структуры и специфики контекстуальных связей. «Классическая гносеология считала, что обыденное сознание и знание не связано с какой-либо отдельной сферой деятельности, но несет в себе представления, присущие всем людям в равной мере» [7]. Новый исторический социокультурный контекст создает иные, дополнительные предпосылки для становления новых принципов теоретизирования, поскольку мышления беспредпосылочного, ничего не предполагающего и никаким горизонтом не ограниченного не существует. Мышление всегда исходит из определенных, эксплицитных и имплицитных, анализируемых и принимаемых без всякого исследования предпосылок.

Становление в духовной культуре нового, неклассического типа рациональности, создает потребность в использовании новейших разработок культурологической, философской, а также методологической мысли в качестве инструмента анализа современной социальной жизни. Основой новых методологий оказывается исследование диалога социальных и культурных форм: «Фокус изучаемой реальности общества лежит не в сложившемся результате, например, в сложившейся структуре общества (что может рассматриваться как предмет философии) и не в сложившейся культуре (что может рассматриваться как предмет культурологии). Фокус перемещается в точку, где предметы философии и культурологии переходят друг в друга, где они аспекты сложного, динамичного знания об обществе, аспекты общества». Неклассическая рациональность в социальном познании – это характеристика способов взаимоотношения человека с миром, предполагающая признание ключевой роли субъекта в познании и деятельности, сознание которого изначально социально, исторически и культурно обусловлено. «Рациональность оказывается не статической характеристикой человеческой деятельности, но производной от исторического развития как выбора, осуществляемого социальным субъектом. Содержа-

ние понятия рациональности в такой интерпретации задается всей системой социально-временных координат» [7].

Литература:

1. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988.
2. Григорьев С.И. Основы неклассической социологии: новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX–XXI веков / С.И. Григорьев, А.И. Субетто. М., 2000.
3. Цит по: Касавин И.Т. Сфера и границы научной рациональности: современные зарубежные дискуссии / И.Т. Касавин // Логика, методология и философия науки. 2008. Вып. 3.
4. Теория и жизненный мир человека. М., 1995.
5. Ивин А.А. Интеллектуальный консенсус эпохи / А.А. Ивин // Познание в социальном контексте. М., ИФРАН, 1994.
6. Качанов Ю. Начало социологии. М., 2000.
7. Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии / И.Т. Касавин // Познание в социальном контексте. М., ИФРАН. 1994.

Literature:

1. Autonomous N.S. Reason, reason, rationality. M., 1988.
2. Grigoriev S.I. Basics of non-classical sociology: new trends in the development of the culture of sociological thinking at the turn of the 20th and 19th centuries / S.I. Grigoriev, A.I. Subetto. M., 2000.
3. Citation by: Kasavin I.T. Sphere and The Boundaries of Scientific Rationality: Contemporary Foreign Discussions / I.T. Kasavin // Logic, Methodology and Philosophy of Science. 2008. № 3.
4. Theory and human life. M., 1995.
5. Ivin A.A. Intellectual Consensus of the Era / A.A. Ivin // Cognition in a social context. M., IFRAN, 1994.
6. Kachanov Yu. Beginning of sociology. M., 2000.
7. Kasavin I.T. The concept of knowledge in social gnosceology / I.T. Kasavin // Cognition in a social context. M., IFRAN. 1994.

**СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ РЕФЛЕКТИВНОЙ ПРИРОДЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА**

MODERN THEORY OF THE REFLEXIVE NATURE OF THE HUMAN MIND

Попова Татьяна Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент,
начальник отдела по исследованию
проблем отраслевого управления
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
vladimirgrishai1969@gmail.com

Tatyana V. Popova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Head of Research
Problems of Industry Management
Research Centre,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
vladimirgrishai1969@gmail.com

Зенин Константин Анатольевич
кандидат социологических наук,
доцент,
докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
vladimirgrishai1969@gmail.com

Konstantin A. Zenin
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student,
Nevinnomyssky State
Institute of Humanities and Technology
vladimirgrishai1969@gmail.com

Тищенко Александр Викторович
соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
vladimirgrishai1969@gmail.com

Alexander V. Tishchenko
Applicant,
Essentuki Institute
Management, Business and Law
vladimirgrishai1969@gmail.com

Мусаев Алик Растамович
соискатель,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
vladimirgrishai1969@gmail.com

Alik R. Musaev
Applicant,
Nevinnomyssky State
Humanitarian and Technical Institute
vladimirgrishai1969@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается значение критериальных характеристик рефлексивной природы человеческого разума, показано, что исторически, социальная философия наряду с тем, что она выступает рефлексивным познанием, нацеленным на получение объективно-истинного знания об обществе, то есть, является наукой, одновременно выступающей и специфической формой общественного сознания – ценностным знанием (отношением) людей к переживаемой и осмысливаемой ими конкретной действительности своей жизнедеятельности.

Ключевые слова: разум, социальная реальность, историческое познание, рефлексивное познание.

Annotation. The article examines the importance of the criterion characteristics of the reflexive nature of the human mind, shows that historically, social philosophy, along with the fact that it acts as a reflexive cognition aimed at obtaining objective-true knowledge about society, that is, is a science that simultaneously serves as a specific form of

social consciousness – the value knowledge (attitude) of people to the experience and understanding of their particular reality.

Keywords: Mind, social reality, historical cognition, reflexive cognition.

Разделяя устоявшиеся в современной науке представления, отметим, что объект социально-философского познания – это постоянно изменяющаяся действительность общественной жизни в единстве и разнообразии всех отношений людей, сложно переплетенных случайных и закономерных причинных факторов и следствий. Соответственно, и предметом социальной философии является не знание всеобщего и целого о бытии мира, о возможностях и способах его осмысления, а знание всеобщего о целостности общественного (коллективного, совместного) бытия, об условиях и факторах его развития. Все это определяет и основную проблему социальной философии - вопросы о том: Что есть общество? или, что, то же самое, какова его природа (основания) и закономерности существования и развития?

Мы не можем ограничить свое познание рефлексивным знанием мира. Не будем забывать о том, что познание есть отношение субъекта и объекта, познающего человека и познаваемого им внешнего и внутреннего мира, реалии которого много значат для людей. Так, объективно, единообразия в подходах к проблеме периодизации истории нет: ведь выделение периодов в истории зависит от того критерия (или критериев), которые положены в основу периодизации. За основу периодизации истории брались, к примеру, орудия труда (У. Ростоу, Д. Белл, О. Тоффлер), рост народонаселения (Т.Р. Мальтус), географическая среда (Ш.Л. Монтескье) и т.д.

Важной функцией опирающегося на рефлексивное теоретического мышления является функция экономии ресурсов и возможностей познающего разума. На данную функцию теории обращали внимание многие философы, начиная с Э. Маха. Теория позволяет осуществлять «сжатие» неохватного для индивидуального разума массива эмпирических описаний, фактов.

Логический анализ – это, прежде всего, конструирование искусственного (мета) языка, лингвистическая же философия – преимущественно критика языка. Критическая философия стремится не столько к созданию искусственных языков, как-то имеет место в чистом анализе (А. Тарский, Р. Карнап), сколько к прояснению смысла языка (поздний Л. Витгенштейн, Г. Райл и др. представители лингвистического анализа) [1].

Критическая философия опирается на ту или иную форму априоризма. Без некоторых правил и принципов критики, некоторых «аксиом» понимания ни один критик не может обойтись, под угрозой трансцендентальной самопротиворечивости (каковая присутствует, например, в протагоровском скептицизме и релятивизме), так это – наличие. Для критиков аналитического типа допустим лишь формальный априоризм, критика же с элементами спекуляции необходимо содержит идею синтетического «a priori». Критика опирается на некоторый содержательный априоризм. В то же время, критический дискурс препятствует онтологизации своего содержательного априоризма.

Критическая метаязыковая трансценденция не только не разрушает исходный коннотативный уровень, но и делает его более устойчивым. Наличие априорных оснований предохраняет, по-видимому, критическую философию от трансформации в скептицизм. Скептицизм оказывается дефектом метаязыка критики, его неполнотой, которая связана с отсутствием необходимых семантических терминов – априорных категорий. Априорные основания – это отображение в метаязыке подвергаемых рефлексии коннотаций. Критическая философия удовлетворяет критерию самонепротиворечивости (Д.В. Анкин).

Критическая философия ориентируется не только на исследование науки, но и на такие явления культуры, как миф, литература, искусство, идеология, мораль и т.д. Сохраняя, вслед за философским анализом, объективность и научность метаязыкового описания, критическая философия часто переносит его на новые области, далеко выходящие за рамки философии науки. Характерной особенностью критической философии является разграничение философии и науки (И. Кант, Л. Витгенштейн, М. Шлик и др.). Вероятно, это объясняется тем, что критический архетип включает семиотики различного типа: и метаязык, и коннотацию. Они хоть и располагаются на различных языковых уровнях, но конфликт, либо просто разделение между философской рефлексией и научным знанием провоцируют. Критическая философия может отрицать саму возможность особого философского знания, отводя философии функцию прояснения смысла. Поэтому аналитические усилия критиков часто не завершаются какими-то философскими заключениями, выводами. Процесс философствования самоценен и самодостаточен, он

не завершается в какой-то философской теории, не приводит к упорядоченной системе философских высказываний. Критики противопоставляют порождаемое внутренней потребностью человека философствование (И. Кант) «философии систем». У критиков возможны проблемы с институтом науки, его требованием разграничения между процессом получения результатов и самими научными «результатами». Так, философия истории всегда находилась во взаимоотношениях с историческим сознанием. Само существование философии истории немислимо вне контекста исторического сознания (А.Н. Шуман). В то же время, философское осмысление истории оказывало во многом формирующее воздействие на историческое сознание и соответственно на саму социально-историческую жизнь.

Вопрос об особенностях социально-философского знания (предмете социальной философии) включает в себя также и вопрос о соотношении социальной философии с другими науками, исследующими общественную жизнь людей. В исследованиях ряда авторов установлено, что наука может констатировать факт существования человеческого общества, разъяснить те объективные механизмы, с помощью которых обеспечиваются цели выживания и развития, и даже оценить эффективность средств, которые используются для достижения этих целей (М. Хайдеггер, К. Ясперс). Но она не в состоянии верифицировать их, как истинное или ложное, поскольку цели нашего существования лежат в сфере должного, а не в сфере сущего, подвластного науке. Теория познания тесно связана с онтологией, диалектикой (учением о всеобщих законах развития бытия и познания), с логикой и методологией. А поскольку субъектом познания является человек, то гносеология часто использует данные философской антропологии и других наук о человеке. При изучении личности познающего субъекта, теория познания опирается на данные психологии, физиологии, медицины. Разнообразный материал для обобщающих выводов ей поставляют математика, кибернетика, естественные и гуманитарные науки.

Проблема познания является одной из важнейших в философии. Объективно, современный период в развитии общественнознания знаменуется крупными сдвигами. В частности, этот процесс находит свое выражение в том, что происходит дальнейшая дифференциация знания, в ходе которой возникают новые самостоятельные направления общественнознания. Вместе с тем идет процесс интеграции знаний об обществе, что находит свое выражение в появлении различных стыковых наук и общих теорий. В связи с отпочкованием тех или иных областей знания, происходит дальнейшая перестройка уже существующих наук и уточнение их предмета. Все это делает актуальным вопрос о соотношении различных областей общественнознания. Но, пожалуй, в какой мере актуальна эта проблема, в такой же мере она и трудна для своего разрешения. Эта трудность обусловлена не только сложностью самого вопроса, но также и тем, что о предмете социальной философии в научной литературе имеются самые различные точки зрения (И.А. Гобозов) [3]. Всякое развивающееся знание, перед которым открываются новые горизонты, встает перед необходимостью уточнять и конкретизировать свой предмет, глубже выявлять его специфику, точки соприкосновения и границы взаимодействия с предметами других пограничных наук.

Современная трактовка истины включает в себя следующие моменты характеристики:

1) объективность, она – в обусловленности реальной действительности, в которую входит – объективная реальность, субъективная реальность она – в связи с предметно-чувственной деятельностью человека, с практикой она – в независимости содержания истины от отдельных людей;

2) субъективность, поскольку истину познают люди, она субъективна по своим внутренним идеальным содержанию и форме;

3) истина есть процесс, она не постигается сразу, целиком в полном объеме, а постепенно углубляется и вместе с тем всегда неполна и неточна.

Для характеристики объективной истины как процесса применяются категории абсолютного (выражающего устойчивое, неизменное в явлениях) и относительного (отражающей изменчивое, преходящее). Диалектика абсолютной и относительной истин ставит вопрос о конкретности истины. Это означает, что любое истинное знание определяется:

1) характером объекта, к которому относится;

2) условиями места, времени;

3) ситуацией, историческими рамками [4].

Распространение истинного знания за пределами его действительной применимости превращает его в заблуждение. Соответственно, возникает необходимость дополнения практики иными критериями, которые дополняют, но не отменяют или заменяют его. Особо важен ло-

гический критерий истины, сочетающий и формально-логический и диалектический методы, а также аксиологический критерий.

В концептуальной представленности, историческая наука имеет дело не с общим, как таковым, не с закономерностями развития в их «чистом» виде, а с их конкретным проявлением в определенном регионе, у определенного народа в тех или иных конкретно-временных условиях. Именно поэтому общественная история – это всегда наука о реализованном и о свершившемся. Она всегда воспроизводит процесс общественного развития в его хронологической последовательности, с учетом всех особенностей конкретных исторических событий, фактов, личностей.

Как отмечают современные авторы, повествуя о последовательной связи событий, историк отбирает из богатого фактического материала прошлого наиболее характерное и типичное (И.А. Гобозов, В.С. Грехнев). Но как бы совершенно ни были воспроизведены данные события, за ними нельзя видеть логики исторического процесса, если не определена общая линия развития человеческого общества. Именно поэтому исторические факты должны быть освещены плодотворной философской идеей. Без философско-исторической концепции, просматривающей общую логику общественного процесса, труд историка в значительной мере теряет свою практическую и познавательную ценность. Состав исторической памяти во многом зависит от субъективных и эмоциональных аспектов: сообщество вольно или невольно обращается к прошлому как источнику информации. Массовое сознание воспринимает прошлое эмоционально, ищет в нем подтверждение собственных ожиданий и предпочтений, с легкостью стирает границы между достоверной и вымышленной картинами событий. Социальная или культурная память указывает на неразрывную связь поколений, дает примеры опыта, который может быть использован в настоящем.

В основе научного исторического познания - признание различия, существующего между прошлым и настоящим, требование достоверности информации, на основании которой прошлое может быть восстановлено, постоянные сомнения относительно того, в какой степени исторические явления могут быть сопоставлены с фактами современной жизни. История как опыт социальной жизни, без которой современное общество не может осознать себя и определить пути развития, критически оценивается наукой с точки зрения способов и возможностей применения этого опыта (Л.П. Репина). Философия, социология, психология создают теории и понятия, которые историк может применять в своем исследовании, поставив им, в свою очередь, «обработанное сырье» для обобщения и формулировки законов. Утверждение об эмпирическом характере истории имеет и более радикальные последствия – его логическим завершением считается констатация того, что историка не должна интересовать задача осмысления исторических событий, его ремесло – устанавливать их истинность и достоверно описывать [6].

Традиционная историческая наука направлена, прежде всего, на установление фактов, выявление их взаимосвязи и превращение в связное повествование (исторический нарратив) (Н.С. Розов). Общий методологический тезис в данном пункте состоит в следующем: необходимо теоретическое обоснование и теоретическая направленность каждый раз, когда с помощью методов философской рефлексии пытаются выявить не отдельный факт, а нечто общее относительно исторической динамики и социальной эволюции. Каждая историческая эпоха есть относительно целостное, хотя и не замкнутое, образование. В ее границах люди поступают и действуют, руководствуясь своими потребностями и интересами, мотивами, ценностями и идеалами, вплоть до мировоззренческих ориентаций. Поэтому принцип объективности в историческом познании требует ориентации на целостность исторического процесса. Содержание исторической памяти определяется не только способностью человека и сообщества людей запоминать или забывать определенные события прошлого. Процесс запоминания не является механическим: хранится в памяти и передается потомкам та информация, которую считают важной и достоверной, а, как показывает изучение исторических сочинений, критерии достоверности были разными в разных обществах. Представление о том, что важно знать о прошлом, также – изменялось в зависимости от задач и интересов социальных групп. Сведения, представлявшие интерес для сообщества одного типа, могли восприниматься не заслуживающими внимания теми, кто обладал иной коллективной идентичностью.

Литература:

1. Барбасов А.В. Утопия и теоретическое исследование будущего / А.В. Барбасов // Философские науки. 1990. № 4.

2. Кропоткин П.А. Этика. М. : Политиздат, 1991.
3. Курбатов В.И., Фурдей С.Г. Две парадигмы социальных исследований и технологий / В.И. Курбатов, С.Г. Фурдей // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1995. № 4.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1999.
5. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. Ставрополь : СГУ. 1995.
6. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. М. : Республика, 1994.
7. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М. : Политиздат, 1991.

Literature:

1. Barbasov A.V. Utopia and theoretical study of the future / A.V. Barbasov // Philosophical sciences. 1990. № 4.
2. Kropotkin P.A. Ethics. M. : Politizdat, 1991.
3. Kurbatov V.I. Two paradigms of social research and technology / V.I. Kurbatov, S.G. Furdai // Izvestia of higher education institutions. North Caucasus region. Social sciences. 1995. № 4.
4. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M. : Politizdat, 1999.
5. Medvedev N.P. Reassessing values as a social phenomenon. Stavropol : SGU. 1995.
6. Stolovich L.N. Beauty. Good. The truth. M. : Republic, 1994.
7. Solovyov E.Y. The past interprets us (Essays on the history of philosophy and culture). M. : Politizdat, 1991.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА

PREVENTION AND PREVENTION OF CYBER FRAUD

Старостенко Олег Александрович
адъюнкт,
Краснодарский университет МВД
olegstaros94@gmail.com

Oleg A. Starostenko
Adjunct,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
olegstaros94@gmail.com

Аннотация. В настоящее время рост киберпреступности в России приобрел глобальные масштабы, о чем свидетельствуют официальные статистические данные Следственного комитета Российской Федерации. Сегодня каждое седьмое преступление совершается с помощью информационных технологий или с использованием киберпространства. Статья посвящена рассмотрению вопросов проблемы киберпреступности, в частности, кибермошенничества. Особое внимание автором уделяется проблеме необходимости создания и внедрения эффективных мер противодействия информационно-телекоммуникационному мошенничеству, реализация которой требует обязательного наличия совокупностей технического и материального потенциала в стране.

Ключевые слова:

киберпреступность, кибермошенничество, жертва, угроза.

Annotation.

At present, the growth of cybercrime in Russia has taken on a global dimension, as evidenced by official statistics of the Investigative Committee of the Russian Federation. Today, one in seven crimes is committed through information technology or cyberspace. The article is devoted to the consideration of the issues of the problem of cybercrime, in particular, cyber fraud. Particular attention is paid to the problem of the need to create and implement effective measures to counter information and telecommunication fraud, the implementation of which requires the presence of a set of technical and material potential in the country.

Keywords:

cybercrime, cyber fraud, victim, threat.

В настоящее время рост киберпреступности в России приобрел глобальные масштабы, о чем свидетельствуют официальные статистические данные Следственного комитета Российской Федерации: «С 2013 года уровень киберпреступности в России возрос более чем в 20 раз и продолжает увеличиваться на данный момент времени. Сегодня каждое седьмое преступление совершается с помощью информационных технологий или с использованием киберпространства» [1]. Ни для кого не секрет, что большинство киберпреступников обладают комплексом узкоспециальных познаний и используют их в целях неправомерного доступа к банковским счетам, вымогательства денежных средств, кражи конфиденциальной пользовательской информации, шантажа и провокации жертвы.

Ввиду этого, назревает острая проблема необходимости создания и внедрения эффективных мер противодействия исследуемому явлению. Реализация данной проблемы требует обязательного наличия совокупностей технического и материального потенциала в стране. Опрос респондентов позволил сделать вывод о том, что совершение ряда информационно-телекоммуникационных преступлений, в частности кибермошенничества, в большей мере было вызвано отсутствием осведомленности жертвы.

Безусловно, угроза привлечения к ответственности за совершение противоправного кибердеяния, в какой-то мере, сдерживает преступность, но никак не предупреждает ее на этапе зачатия. Главная задача при реализации уголовного законодательства – применение соответствующей санкции за совершенное преступление, вопреки многим рекомендациям, направленным на профилактическое воздействие, путем правового воспитания и обучения лиц, обладающих повышенным уровнем виктимности.

Сегодня на борьбу с киберпреступностью направлена деятельность следующих организаций:

- Международного многостороннего партнерства против киберугроз (ШРАСТ), действующего в качестве исполнительного органа в области кибербезопасности ООН, объединяющего усилия ряда государств, неправительственных организаций, экспертов в сфере информационной безопасности;

- Международного альянса обеспечения кибербезопасности (ICSPA), объединяющего правоохранительные органы, включая Европол, международный бизнес и правительства многих стран мира (Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США и др.);

- Интерпола, который обеспечивает скорый и эффективный механизм сообщения между государством и этой международной организацией в осуществлении международного розыска и регистрации преступников.

Основными задачами этих организаций выступают:

- разработка уникальных стандартов кибердеяний, подлежащих криминализации;

- уточнение научной терминологии;

- оказание консультационных услуг [2, с. 147].

За рубежом к числу органов противодействия информационно-телекоммуникационной преступности относятся:

- US Cyber Command (военное подразделение, которое осуществляет свою деятельность в киберпространстве);

- United States Computer Emergency Readiness Team (Национальный отдел киберзащиты Департамента внутренней безопасности США);

- Computer Crime and Intellectual Property Section (Отдел компьютерной преступности и интеллектуальной собственности);

- Internet police (интернет-полиция, сетевая полиция); в Великобритании – национальный отдел борьбы с высокотехнологичными преступлениями; в Австралии – группа координации безопасности электронной почты (ESCG);

- Technology Promotion Agency (федеральное агентство в Японии);

- CERT-EE (компьютерная группа реагирования на чрезвычайные ситуации в Эстонии).

По этому пути следует и Российская Федерация. По поручению Совета Безопасности РФ, в 2015 г. Центральный банк РФ организовал Центр борьбы с киберугрозами финансового характера (FinCERT). Центр должен собирать информацию о кибератаках на банки и их клиентов, потенциальных киберугрозах, а собранные данные рассылать финансовым учреждениям. На 01 октября 2016 г. 90 банков из 716, функционирующих в России, добровольно представляют информацию о хищениях денежных средств со счетов клиентов.

Профилактика IT-преступности может осуществляться, как посредством использования программного обеспечения (установка антивирусного программного обеспечения, брандмауэров, антишпионского обеспечения), так и посредством блокировки сомнительной Интернет-страницы.

Необходимо отметить, что действия кибермошенников легко преодолевают международные границы, вследствие чего, профилактика такого негативного явления в обязательном порядке должна иметь также международный характер. Бесспорно, нужны и государственные программы противодействия IT-мошенничеству. Многие зарубежные страны стремятся привести свое законодательство в соответствии с положениями Будапештской конвенции, которая, в первую очередь, связана с защитой информации в сети и противодействием легализации незаконных доходов [3].

В России для решения таких проблем в 1991 году было создано Бюро специальных технических мероприятий МВД [4], а сотрудники подразделения являются дипломированными специалистами технических вузов и проходят регулярные стажировки в крупных компаниях, однако, расследование мошеннических действий в сети Интернет с каждым днем усложняется.

По нашему мнению, основными проблемами, препятствующими эффективному расследованию, предупреждению и профилактике компьютерных преступлений, выступают:

- отсутствие специального образования в сфере использования компьютерных технологий;

- на фоне постоянного прогресса современной техники и отсутствия обмена информацией со специалистами зарубежных стран, отсутствует опыт борьбы с IT-мошенничеством;

- отсутствие сотрудничества правоохранительных систем государств, в которых могут находиться преступник и жертва;

Говоря о направлении профилактики информационно-телекоммуникационного мошенничества, необходимо отметить возможность проведения систематического анализа правоприменительной практики и ведения общедоступной статистики, а также, нацеливание правоохранительных органов на совершенствование своих специальных навыков в области применения системы электронных доказательств.

Для информирования гражданского населения об информационно-телекоммуникационных угрозах можно создать и внедрить мобильное приложение «Доверие», особенностью которого должна быть ориентация на вопросы защиты от кибермошенничества. Такое приложение должно решать ряд задач:

- повышения цифровой грамотности общества;
- предоставления инструкции по предупреждению виктимного поведения в Интернете;
- содержать веб-ссылки «небезопасных» сайтов;
- содержать рекомендации по обеспечению безопасности в киберпространстве и борьбе с анонимностью.

Хотелось бы подчеркнуть, что ряд проблем предупреждения и профилактики киберпреступности остается не изученным, а сложностей при расследовании таких преступлений возникает очень много:

- скрытность преступников (зачастую противоправные действия не только не раскрываются, но и не учитываются статистикой);
- транснациональный характер преступлений;
- крупные масштабы ущерба;
- высокая квалификация преступников;
- юридические и технические проблемы, связанные с необходимостью использования специального оборудования и навыков в сфере компьютерных технологий, а также необходимость разработки международных документов и сотрудничества при расследовании киберпреступлений;
- сложность сбора доказательств в Интернете, так как преступники могут их быстро уничтожить [5].

В частности, до сих пор кибер-жертвы не могут напрямую обращаться в специальные подразделения ОВД, осуществляющие борьбу с преступлениями в сфере высоких технологий, что в немалой степени препятствует накоплению данных о виртуальных преступлениях, посредством организации опросов респондентов.

Необратимый прогресс информационных технологий порождает необходимость объединения усилий всех участников, заинтересованных в противодействии киберугрозам: правоохранительных органов, общественных организаций, исследовательских структур и граждан.

Предупреждение киберпреступности должно включать в себя меры виктимологической профилактики – повышение уровня цифровой грамотности населения и содействие в продвижении индивидуальных способов защиты личной информации.

Возникает необходимость введения новых специализаций в образовательный процесс юридических вузов, в особенности курсантов и слушателей учебных заведений правоохранительной системы.

Актуальны углубленные виктимологические и криминологические исследования киберпреступности, направленные на выявление объективных закономерностей, детерминантов киберпреступности, характеристик отдельных типов личности киберпреступников, а также различных аспектов обеспечения кибербезопасности.

Таким образом, эффективность противодействия и профилактики кибермошенничества можно достичь лишь при условии комплексного подхода к данной проблеме с привлечением всевозможных субъектов влияния, а также, при использовании развитого криминологического познания в данной области.

Литература:

1. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL : <https://sledcom.ru/> (дата обращения 19.01.2021).
2. Мороз Н.О. Деятельность Интерпола по координации сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий / Н.О. Мороз // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2011. № 14. С. 147–148.

3. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001). URL : <http://base.garant.ru/4089723/#ixzz6kAKLnFAU> (дата обращения 19.01.2021).
4. Официальный сайт МВД РФ. URL : <https://mvd/structure1/Upravlenija/> (дата обращения 19.01.2021).
5. Официальный сайт АО «Лаборатория Касперского». URL : <https://www.kaspersky.ru/> (дата обращения 20.01.2021).

References:

1. Official site of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL : <https://sledcom.ru/> (date of application 19.01.2021).
2. Moroz N.O. Activities of Interpol to coordinate cooperation in the fight against crime in the field of high technologies / N.O. Moroz // Bulletin of Polotsk State University. Series D: Economic and legal sciences. 2011. № 14. P. 147–148.
3. Convention on Crime in the Field of Computer Information ETS № 185 (Budapest, November 23, 2001). URL : <http://base.garant.ru/4089723/#ixzz6kAKLnFAU> (date of application 19.01.2021).
4. Official site of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <https://mvd/structure1/Upravlenija/> (date of application 19.01.2021).
5. Official site of AO Kaspersky Lab. URL : <https://www.kaspersky.ru/> (date of application 20.01.2021)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ. КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE SECURITIES MARKET. CHINESE MODEL

Табакowa Наталья Александровна
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
tabnat@mail.ru

Natalia A. Tabakova
Senior Lecturer of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
tabnat@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено уголовное законодательство Китайской Народной Республики, обеспечивающее уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. В публикации проведен сравнительно правовой анализ УК КНР и отечественного законодательства. Изученное автором статьи уголовное законодательство КНР позволило ему сформулировать предложения относительно внесения изменений в УК РФ в части установления уголовной ответственности за манипуляции с котировками ценных бумаг.

**Ключевые
слова:**

преступление, законодатель, КНР, анализ, ценные бумаги, фондовые инструменты.

Annotation.

The article examines the criminal legislation of the People's Republic of China, which provides criminal legal protection of public relations in the field of issuance and circulation of securities. The publication provides a comparative legal analysis of the Criminal Code of the PRC and domestic legislation. The studied criminal legislation of the PRC made it possible to formulate proposals for amending the Criminal Code of the Russian Federation in terms of establishing criminal liability for manipulating securities quotes.

Keywords:

crime, legislator, PRC, analysis, securities, stock instruments.

Наибольший интерес для исследования уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг социалистической правовой семьи представляет уголовное законодательство Китайской Народной Республики (далее – КНР). Это обусловлено тем, что Китай, придерживаясь идеи построения социалистического общества, имплементировал и использует многие капиталистические институты, в том числе и инструментарий фондового рынка, сейчас в КНР помимо сянганской, функционируют две фондовые биржи – в Шанхае и Шэньчжэне (провинция Гуандун) [1]. Указанное обстоятельство свидетельствует, что общественные отношения в сфере выпуска и обращения ценных бумаг в Китае нуждаются в уголовно-правовой охране. Справочно отметим, что ныне действующий УК КНР был принят 14 марта 1997 года и вступил в силу 01 октября 1997 года.

Уголовное законодательство Китая в сфере обеспечения уголовно-правовой охраны рынка ценных бумаг достаточно обширно, основная часть составов преступлений закреплены в Главе 3 «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка» УК КНР, а именно, в § 3. «Преступления, связанные с нарушением порядка руководства компанией, предприятием» § 4. «Преступления, связанные с нарушением порядка финансовых операций» и § 5. «Преступления, связанные с финансовым мошенничеством» УК КНР, как отмечают исследователи преступления, закреплённые в Главе 3 УК КНР отличается высокой степенью казуистичности [2].

Нормы уголовного законодательства, обеспечивающие охрану фондового рынка в Китае, можно разделить на нормы:

- устанавливающие ответственность за фальсификацию ценных бумаг (преступления, предусмотренные ст. 177 УК КНР, ч. 1 и ч. 2 ст. 178 УК КНР) и использование фальсифицированных ценных бумаг (преступления, предусмотренные ст. 194, 197, 224 УК КНР);
- преступления, связанные с нарушением порядка формирования уставного капитала (ст. 159, 179 УК КНР);
- преступления, связанные с раскрытием и сохранением информации на фондовом рынке (ст. 160, 161, 180, 181 УК КНР);
- преступления, связанные с манипуляцией фондовом и фьючерсным рынками (ст. 182 УК КНР);
- должностные преступления, совершённые: внутренними инсайдерами (ч. 1 ст. 180 УК КНР); сотрудниками фондовых организаций (ч. 4 ст. 180 УК КНР, ч. 1 ст. 185 УК КНР); банковскими работниками (ст. 189 УК КНР); государственными служащими компетентных государственных органов в сфере выпуска и обращения ценных бумаг (ч. 2 ст. 185 УК КНР, ст. 403 УК КНР).

Изучение объективной стороны указанных выше преступлений, закрепленных в УК КНР, свидетельствует о том, что большинство из них сформулированы как преступления с материальным составом преступления. Китайский законодатель, закрепляя уголовную ответственность за нарушения в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, использует оценочные характеристики и признаки, такие как, например:

«...если эти деяния совершены в особо крупном размере и повлекли серьезные последствия или сопровождалисьотягчающими обстоятельствами» (ст. 159 УК КНР);

«... сокрытие информации при эмиссии ценных бумаг на крупную сумму, если это повлекло серьезные последствия или сопровождалось отягчающими обстоятельствами – » (ст. 160 УК КНР);

«... нанешие тем самым серьёзный ущерб интересам акционеров или иных лиц либо совершившие те же деяния при других отягчающих обстоятельствах, – » (ст. 161 УК КНР);

«... в сравнительно крупном размере, – » (ст. 178 УК КНР);

«выпуск в большом количестве акций или облигаций компании, ... повлекший серьезные последствия, – » (ст. 179 УК КНР) «фабрикация, приведшие к серьезным последствиям, – » (ст. 181 УК КНР);

«... при отягчающих обстоятельствах, – », «... при особо отягчающих обстоятельствах, – » (ст. 182 УК КНР);

«...осуществление мошеннической деятельности с использованием ... на значительную сумму – » (ст. 194 УК КНР, ст. 197 УК КНР); «...если эти деяния причинили крупный ущерб общественной собственности, государственным или общественным интересам – » (ст. 189 УК КНР, ст. 403 УК КНР).

Приведенное свидетельствует, что существенное расширение оценочных признаков и характеристик при описании объективной стороны преступлений приводит, как отмечают исследователи, к трудностям уяснения смысла статей УК КНР и еще большим сложностям при применении таких норм китайскими правоприменителями на практике [2].

В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК КНР, уголовное преследование за общественно опасные деяния, совершенные по неосторожности, наступает в случае, прямо указанном в законе, из чего мы констатируем, что все, предусмотренные УК КНР преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг являются умышленными преступлениями.

Ст. 159 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за нарушение порядка создания акционерной компании. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 159 УК КНР характеризуется ложным декларированием капиталовложений в уставный фонд без внесения денег, материальных ценностей, не передавшие право собственности либо изъятием капиталовложения в уставный фонд после открытия/создания компании.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 159 УК КНР выступает специальный субъект, то есть – учредитель или акционер, лица, которые в соответствии с Законом КНР «О компаниях» обязаны внести деньги, материальные ценности в уставный фонд либо не изымать капиталовложения из уставного фонда компании после открытия/создания компании.

Китайский законодатель, введя ст. 160 УК КНР, обеспечил уголовно правовую охрану интересов потенциальных инвесторов, так как данная норма устанавливает ответственность за умышленное сокрытие важной информации или предоставление заведомо недостоверной ин-

формации в проспект эмиссии, подписке на акции, а также, в способы набора/приобретения облигаций.

Не предоставление или предоставление ложной, сокрытие информации руководителями или иными ответственными лицами компании перед акционерами или общественностью признаётся преступлением в соответствии со ст. 161 УК КНР.

Уголовное законодательство Китая дифференцирует уголовно-правовую охрану банковских ценных бумаг, ценных бумаг эмитированных государством и негосударственных ценных бумаг.

Нормы и положения, закреплённые в ст. 174 УК КНР, обеспечивают уголовно-правовую охрану монополии государства, связанную с выдачей разрешения на создание финансовых организаций, что также способствует обеспечению интересов добропорядочных эмитентов и инвесторов. Отметим, что преступление, предусмотренное ст. 174 УК КНР, сформулировано как преступление с формальным составом. Указанная статья УК КНР в части первой устанавливает уголовно-правовой запрет самовольного (без надлежащего разрешения компетентного государственного органа) создания финансовых организаций, в том числе коммерческого банка, фондовой или фьючерской бирж, фьючерсных или фондовых агентств. Часть вторая ст. 174 УК КНР предусматривает ответственность за подделку, переделку, передачу лицензии или разрешительных документов на осуществление деятельности финансовых организаций, в том числе и фондовых.

В п. 1 ч. 1 ст. 177 УК КНР [3] указано, что предметом изготовления фальшивых банковских ценных бумаг, наряду с иными банковскими документами, могут выступать: переводной вексель, долговое обязательство и чек.

Так, ч. 1 ст. 178 УК КНР предусматривает более строгую уголовную ответственность за подделку государственных ценных бумаг по сравнению с преступлением, предусмотренным ч. 2 ст. 178 УК КНР, в которой установлена уголовная ответственность за подделку негосударственных ценных бумаг. Следует отметить, что цель использования не является обязательной в указанных статьях.

Китайский законодатель определяет одинаковые способы совершения преступлений, предусмотренных ст. 177 УК КНР, а также – ч. 1 и ч. 2 ст. 178 УК КНР, а именно, подделку и переделку предметов преступлений указанных составов преступлений, представляется, что подделка предметов указанных преступлений – это полное изготовление предмета преступления, а переделка – это частичное внесение изменений в существующий фондовый инструмент. В случае подделки бездокументарных ценных бумаг требуется дополнительная квалификация по ст. 287 УК КНР «Финансовое мошенничество, кража, коррупция, использование не по назначению общественных средств, похищение государственной тайны или другие преступления, совершенные при помощи компьютера». Как видно из содержания указанных статей УК КНР, для квалификации, отличии от ст. 186 УК РФ, не требует наличие специальной цели преступления – сбыта предмета преступления.

Следует указать на то, что использование заведомо фальшивых или поддельных, заведомо утративших силу переводных векселей, долговых обязательств и банковских чеков образует, в зависимости от характеристики объективных и субъективных признаков состава преступления, состав преступления, предусмотренного ст. 194 УК КНР, либо ст. 224 УК КНР. Положения ст. 197 УК КНР устанавливают уголовную ответственность за использование фальсифицированных, поддельных государственных облигаций или иных выпущенных государством ценных бумаг.

Выпуск в большом количестве акций или облигаций компании, предприятия без санкции соответствующих государственных компетентных органов, в соответствии со ст. 179 УК КНР, признаётся преступлением. Анализируя содержание данной статьи УК КНР, мы видим, что законодатель для характеристики деяния использует оценочную категорию «выпуск в большом количестве ...», которое в самом УК КНР не раскрывается, что также усложняет уяснение содержания ст. 179 УК КНР.

Статья 180 УК КНР состоит из четырёх частей, две из которых описывают самостоятельные составы преступлений.

Часть первая ст. 180 УК КНР (аналог ст. 185.6 УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за противоправное использование инсайдерской информации при осуществлении сделок с ценными бумагами лицами, которые проинформированы о внутренней ситуации с ценными бумагами в компании, а также лицами, которые получили такого рода информацию незаконным путём. Также, указанная норма устанавливает ответственность за умышленное

разглашение инсайдерской информации субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК КНР, причём, разглашение может быть осуществлено указанием или намёком совершить какие-либо действия с ценными бумагами. Нам представляется, что такое альтернативное действие, которое характеризует объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК КНР, как разглашение инсайдерской информации посредством намёка на необходимость осуществления сделки с ценными бумагами, особо усложняет правоприменительную практику китайских правоохранителей.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК КНР выступает внутренняя информация компании о сделках с ценными бумагами, то есть нераскрытая корпоративная информация.

В отличие от иных норм УК КНР, ч. 3 ст. 180 УК КНР закрепляет, что «рамки внутренней информации и круг информированных лиц определяются в соответствии с положениями законов, административно-правовых актов».

Часть 4 ст. 180 УК КНР также, как и ч. 1 ст. 180 УК КНР, устанавливает уголовную ответственность за незаконное использование инсайдерской информации, однако, в отличие от ч. 1 ст. 180 УК КНР, субъектами преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 180 УК КНР, выступают сотрудники фондовых организаций (фондовой биржи, фьючерсной биржи, фондовых компаний, фьючерсных агентств, управленческих компаний фондов, коммерческих банков, страховых компаний или других финансовых структур, а также, сотрудники соответствующих надзорных органов или профессиональных ассоциаций). Следует отметить, что в качестве специальных субъектов преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг УК РФ не предусматривает сотрудников фондовых и иных бирж, в связи с чем, нам представляется, что нормы и положения УК РФ являются более универсальными по сравнению с нормами УК КНР.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 180 УК КНР выступает служебная либо неопубликованная информация.

Часть 1 и 4 ст. 180 УК КНР, а также – ст. 403 УК КНР обеспечивают уголовно-правовую охрану одного из фундаментальных принципов экономики, а именно принципа честной конкуренции.

Статья 181 УК КНР является аналогом ст. 185.3 УК РФ, однако, законодательная конструкция ст. 181 УК КНР, как нам представляется, сложнее, так как ст. 181 УК КНР два самостоятельных состава преступления, которые содержатся в ч. 1 и ч. 2 ст. 181 УК КНР, соответственно.

Часть первая ст. 181 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за создание и распространение ложной информации, оказывающей влияние на сделки с фондовыми инструментами, что приводит к нарушению порядка фондового или фьючерского рынка. Характеризуя предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181 УК КНР, следует исходить из того, что спектр информации, оказывающей влияние на сделки с ценными бумагами является достаточно широким, однако, основная характеристика такой информации является то, что данная информация является фейковой, то есть, не соответствующей действительности.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181 УК КНР, согласно анализу данной нормы, является общий субъект преступления, в отличие от преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 181 УК КНР, где субъект преступления – специальный, а именно сотрудники фондовых бирж, фьючерсных бирж, фондовых компаний, фьючерсных компаний или служащими фондовых ассоциаций, фьючерсных ассоциаций или отделов фондового менеджмента, фьючерсного менеджмента.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 181 УК КНР, характеризуется такими альтернативными действиями, как:

- предоставление заведомо ложной информации; фальсификация информации;
- подделка документов по сделкам с ценными бумагами;
- уничтожение документов по сделкам с ценными бумагами.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 181 УК КНР, кроме прямого умысла, также, характеризуется наличием специальной цели преступления, а именно, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 181 УК КНР, должно быть совершено в целях обманым путём привлечь вкладчиков к покупке ценных бумаг. Также, китайский законодатель в ч. 2 ст. 181 УК КНР использует термин «заведомо», что также раскрывает умышленную форму вины данного преступления, то есть, виновное лицо, ещё до начала реализации преступления осознаёт ложность предоставляемой информации.

Статья 182 УК КНР устанавливает ответственность за осуществление манипуляций на фондовом и фьючерсном рынках, под которыми понимается:

- искусственное увеличение количества сделок по фондовым инструментам;
- манипулирование ценами на фондовом рынке;
- купля-продажа фондовых инструментов самому себе без передачи права собственности на ценные бумаги;
- осуществление взаимных сделок с ценными бумагами с целью оказания влияния на фондовый рынок.

Как видно из описания альтернативных деяний, предусмотренных ст. 182 УК КНР, манипулирование рынком осуществляется путем действий с фондовыми инструментами. Нам представляется, что купля-продажа фондовых инструментов самому себе без передачи права собственности на ценные бумаги это фиктивные сделки по передаче предметов сделки дочерним либо иным аффилированным предприятиям, такого рода сделки осуществляются с целью придания ценным бумагам инвестиционной истории, которая влияет на инвестиционную привлекательность для потенциальных инвесторов. Отметим, что отечественный законодатель в ст. 185.3 УК РФ под манипуляцией понимает информационное воздействие на фондовый рынок с целью воздействия на котировки фондовых инструментов, как нам видится, в УК РФ целесообразно было бы добавить норму, которая бы устанавливала ответственность за манипуляцию рынком посредством осуществления фиктивных сделок с ценными бумагами и иными фондовыми инструментами.

Норма, закреплённая в ст. 189 УК КНР, устанавливает, как уже отмечалось, уголовную ответственность работников банков или финансовых органов, за деяния, связанные с нарушением порядка выполнения вексельных операций. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 189 УК КНР, характеризуется рядом альтернативных действий:

- акцептирование векселя, оформленного с нарушением;
- осуществление выплаты по такому векселю;
- выдача гарантии по векселю, оформленному с нарушением.

Объективная сторона анализируемого преступления сформулирована как преступление с материальным составом и требует причинения крупного ущерба.

Отметим, что также, УК КНР в ч. 1 ст. 185 предусматривает ответственность должностных лиц фондовых бирж и иных финансовых организаций за противоправное использование денежных средств, то есть, за использование денежных средств клиентов не по назначению. Часть 2 этой же статьи УК КНР устанавливает уголовную ответственность за аналогичные деяния, только в качестве субъекта преступления выступают должностные лица государственных фондовых бирж и иных финансовых организаций.

Отметим, что ст. 30 УК КНР закрепляет возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, указанное положение также конкретизировано в ч. 3 ст. 174 УК КНР, ч. 2 ст. 177 УК КНР, ч. 3 ст. 178 УК КНР, ч. 2 ст. 179 УК КНР, ч. 2 ст. 180 УК КНР, ч. 3 ст. 181 УК КНР, ч. 2 ст. 182 УК КНР, ч. 2 ст. 189 УК КНР. Уголовная ответственность юридических лиц, в соответствии с УК КНР, как отмечают исследователи, обусловлена реальным состоянием преступности в сфере экономики [4]. Статья 185-1 УК КНР, вообще, содержит самостоятельное предписание, дающее основание привлекать к уголовной ответственности коммерческие банки, фондовые биржи, фьючерсные биржи, фондовые компании, дилеры фьючерсных компаний, страховых компаний или других финансовых структур за самовольное использование капитала клиентов.

Исследователи указывают на то, что до внесения изменений в УК КНР 1997 года, санкции большинства преступлений в сфере экономики предусматривали альтернативное наказание в виде смертной казни. Однако после внесения в него изменений в 2011 году, в соответствии с «Поправками к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики (№ 8)» (далее – «Поправки № 8»), вступившими в силу 01 мая 2011 года, такой вид наказания, как смертная казнь по преступлениям в сфере экономики, был исключен. В обосновании к Поправкам № 8 отмечается, что, «в соответствии с тенденциями нынешнего этапа экономического и социального развития Китая, отмена смертной казни за ряд экономических преступлений не окажет отрицательного влияния на уровень социальной стабильности и безопасности. В судебной практике некоторые составы преступлений встречаются редко либо вообще не встречаются, поэтому представляется уместным сократить число составов преступлений, в санкциях которых предусматривается смертная казнь» [5].

Изучение китайского уголовного законодательства подтверждает вывод о том, что китайское законодательство, обеспечивающее уголовно-правовую охрану рынка ценных бумаг, является объемным (содержит девятнадцать самостоятельных составов преступления, устанавливающих ответственность в сфере выпуска и обращения ценных бумаг) и казуистичным, что, как нам представляется, существенным образом усложняет работу правоприменителю. Кроме того, УК КНР предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц за совершение преступлений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

Изучение УК КНР свидетельствует о необходимости имплементации в отечественное законодательство нормы, которая бы обеспечивала уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг от манипулирования ценами на фондовом рынке. Мы предлагаем дополнить ст. 185.3 УК РФ частью третьей и изложить её в следующей редакции: «Манипуляция рынком посредством осуществления фиктивных сделок с ценными бумагами и иными фондовыми инструментами, если такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере».

Литература:

1. Комментарии к основным положениям Особенной части УК КНР. URL : <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/remark>
2. Уголовный кодекс Китая / Под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева; Пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М. : ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017. 256 с.
3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. Принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. URL : <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>
4. Комментарии к основным положениям Общей части УК КНР. URL : <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/comment>
5. Пан Дунмэй. Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае (интерпретация «Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 8» / Пан Дунмэй // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 2. С. 61–67.

Literature:

1. Comments on the main provisions of the Special Part of the Criminal Code of the PRC. URL : <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/remark>
2. The Criminal Code of China / Edited by Professor A.I. Korobeev and Professor A.I. Chuchaev; Translation from a Chinese professor Huang Daoxiu. M. : LLC «Law Firm Kontrakt», 2017. 256 p.
3. Criminal Code of the People's Republic of China. Adopted at the 5th session of the National People's Congress of the Sixth Convocation on March 14, 1997. URL : <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>
4. Comments on the main provisions of the General Part of the Criminal Code of the PRC. URL : <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/comment>
5. Pan Dongmei. New trends in the development of criminal legislation in China (interpretation of the «Amendments to the Criminal Code of the People's Republic of China № 8» / Pan Dongmei // All-Russian Criminological Journal. 2011. № 2. P. 61–67.

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А ТАКЖЕ,
УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**SOCIO-LEGAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LIABILITY
FOR INCITEMENT TO HATRED OR ENMITY, AS WELL AS HUMILIATION
OF HUMAN DIGNITY USING THE INFORMATION
AND TELECOMMUNICATIONS NETWORK «INTERNET»**

Тростянецкая Виктория Викторовна
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД РФ
vikamvd565656@mail.ru

Victoria V. Trostyanetskaya
Adjunct of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia Federation
vikamvd565656@mail.ru

Аннотация. Как полагает автор публикации, сегодня следует обратить внимание на достаточно быстрый прогресс общественных отношений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», который выражен не только в положительном ключе, но и широко используется при совершении различного рода правонарушений, а также преступлений, совершаемых практически во всех сферах жизни общества. В статье приводится аргументация о том, что установление уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно – унижение человеческого достоинства с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», социально обусловлено и соответствует общепризнанным научным критериям криминализации деяний.

Ключевые слова: социально-правовая обусловленность, вражда, достоинство человека, общественная опасность, ненависть, криминализация, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет».

Annotation. According to the author of the publication, today it is necessary to pay attention to the fairly rapid progress of public relations in the information and telecommunications network «Internet», which is expressed not only in a positive way, but is also widely used in the commission of various kinds of offenses, as well as crimes committed in almost all areas of society. In the article provides the argument that the establishment of criminal liability for incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity using the information and telecommunications network «Internet» is socially conditioned and meets the generally recognized scientific criteria for the criminalization of acts.

Keywords: social and legal conditionality; enmity; human dignity; social danger; hatred; criminalization; information and telecommunications network «Internet».

Известно, что каждый человек формирует свое достоинство самостоятельно, и заключено оно в самооценке. Оценить непосредственно самого себя, свое внутреннее состояние, внешние способности, роль в социуме можно, проанализировав свои взаимоотношения с окружающими людьми. Но нельзя исключать тот факт, что такие процессы не могут происходить без определенного влияния устоявшихся или нововведённых нравственных и моральных ценностей, как целого общества, так и отдельных групп, неотъемлемой частью которых является и личность. Осуществление данного анализа собственного достоинства предопределяет исполь-

зование установленных прав и свобод человека, а также равенство в своем достоинстве, которые, прежде всего, подлежат защите Всеобщей декларацией прав человека [1], на основании чего, следует сказать о том, что каждый человек с рождения обладает неотъемлемым достоинством, защита которого возложена на государство.

Сегодня следует обратить внимание на достаточно быстрый прогресс общественных отношений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», который выражен не только в положительном ключе, но и широко используется при совершении различного рода правонарушений, а также преступлений, совершаемых практически во всех сферах жизни общества. Не будут являться исключением и преступления экстремистской направленности. Отечественное уголовное законодательство включает данный вид преступлений в Главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и регулирует общественные отношения, обеспечивающие нерушимость основ конституционного строя и безопасность государства, посягательства на которые также осуществляется посредством выражения ненависти либо вражды. Указанным противоправным действиям, направленным на распространение и демонстрацию ненависти либо вражды, а также, на унижение человеческого достоинства в сети «Интернет», в настоящее время уделяется пристальное внимание. На это указывает и А.В. Жеребченко, акцентируя внимание, прежде всего, на том, что применение ст. 282 УК РФ на практике характеризуется неясностью и непомерностью, что, главным образом, отразилось на области информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которая сегодня является одной из широкомасштабных площадок для распространения информации, направленной на возбуждение ненависти, либо вражды [4, с. 84–87]. Огромное количество информации, находящейся в сети «Интернет», доступно большому количеству пользователей и, соответственно, является относительно анонимной, что и позволяет экстремистам надеяться на безнаказанность и позволяет достаточно легко размещать на просторах сети «Интернет» сведения, хранящиеся там ничем неограниченное количество времени и в свободном доступе.

Сегодня уже неоспоримо, что Интернет является ядром распространения и получения различной информации, включая экстремистской направленности, которая запрещена законодательством Российской Федерации и такие действия являются общественно опасными и наказуемыми, в соответствии с положениями ст. 282 УК РФ [2]. Однако до сих пор обсуждается вопрос эффективности и обоснованности уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а также, унижение человеческого достоинства в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Для уяснения социально-правовой обусловленности уголовной ответственности данного преступления необходимо выяснить и оценить ее суть.

Из уголовно-правовой доктрины известно для того, чтобы признать совершенное деяние преступным и закрепить это на законодательном уровне, необходимо, прежде всего, определить его общественную опасность. Так видный отечественный ученый-криминалист Ю.И. Ляпунов указывал на необходимость установления общественной опасности деяния для выяснения вопроса о его криминализации и разъяснял, что при этом в качестве объекта познания и оценки выступает материальное свойство, антисоциальная направленность и вредоносная сущность человеческого поведения определенного рода или вида, изначально заключающего в себе опасность причинения вреда (ущерба) правоохранительным благам [7, с. 45].

Говоря об общественной опасности действий, указанных в ст. 282 УК РФ, следует отметить, что она заключена в общественно опасных мотивах и цели, в момент совершения данных деяний, выбор которых достаточно велик. Основными являются действия направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно – унижение человеческого достоинства. Одним из главных аспектов общественной опасности является публичность. Распространение таких взглядов и идей, прежде всего, направлено на дискредитацию к лицам определенного пола, расы, национальности, языка, происхождения, а также, на принадлежность лиц к определенной религии или социальной группе [2]. К примеру, унижить достоинство человека можно путем неприятных унижительных высказываний, выраженных в отрицательном оценивании лиц, которые принадлежат к иной вере и, как результат, происходит формирование в обществе негативных идей, которые основываются на превосходстве одной религии, над другой или же на неполноценности нации и религии [9, с. 211–215]. Кроме того, пропаганда негативных факторов о религии и нации, также порождает и унижение человеческого достоинства. Сейчас нет никаких преград и проблем в том, чтобы с помощью полученных лайков и рекламы выйти на более массовое информационное поле. Преступники размещают информацию, способствующую возбуждению ненависти либо вражды, а также, унижению человеческого достоинства в сети «Интернет», тем самым расширяя аудиторию лиц, которые могут разделиться на две стороны, одна прини-

мает это мировоззрение, а другая становится потерпевшей. Таким образом, данное преступление несет большую общественную опасность.

По мнению Г.И. Узембаевой, использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» характеризуется высшей степенью публичности, которая открывает все больше возможностей для пользователей. Сохранение, копирование и иное использование экстремистской информации [8, с. 34] повышает характер и степень ее общественной опасности.

Об этом свидетельствует и официальное заявление начальника Главного управления по противодействию экстремизму МВД России О. Ильиных, в котором было отмечено, что публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также, возбуждение ненависти либо вражды осуществляется именно в сети Интернет, и они составляют около 80 % от общего числа подобных преступлений. Такой высокий показатель, с его слов, связан, прежде всего, с тем, что большинство радикальных идей внедряются в сознание посредством создания тематических сайтов сети интернет. Такие сайты активно формируют вокруг себя сетевые группы единомышленников, путем пропаганды и распространения деструктивной идеологии. Достаточно часто данные сетевые группы затягивают подростков, которые испытывают дефицит внимания или имеют проблемы в общении со сверстниками, под любыми предлогами (лайками, бонусами, вознаграждением и т.д.), которые могут быть им интересны или выгодны. Такой возрастной ценз можно объяснить тем, что молодые люди до 18 лет являются благоприятной почвой для продвижения идей из-за внушаемости данной группы лиц [10].

Кроме того, социально-правовая обусловленность установления уголовной ответственности за возбуждения ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства в сети «Интернет» подтверждается и способностью данных деяний провоцировать и усиливать нетерпимость в отношениях между различными социальными группами, нациями, религиями и расами [6, с. 75–77]. Действия подобного рода влекут за собой рост преступлений, регулируемых Главой 30 Уголовного кодекса РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Совокупность норм, закрепленных в данной главе направлена на обеспечение нормальной, регламентированной соответствующими правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных сил РФ, других войск и воинских формирований РФ, а также на защиту прав и законных интересов граждан, организаций и интересов общества и государства. Очевидно, что никто не может прогнозировать наступление негативных последствий в обществе или у его части, но вероятность достаточно велика. Поэтому реакция социума может быть различной, от сдерживания негативных проявлений, до совершения жестоких и безрассудных поступков.

Помимо этого, указанные противоправные действия могут быть общественно опасны как для личности отдельно, так и для конституционного строя нашей страны. Не следует забыть и о том, что общественная опасность возбуждения ненависти либо вражды, а также, унижения человеческого достоинства, представляет собой угрозу и для международного сообщества в целом, где разобщенность, зачастую, приводит к межгосударственным конфликтам. В этой связи, установление уголовной ответственности за данные противоправные деяния в сети «Интернет» позволит пресекать конфликты на ранних стадиях, а также, не допустить их перерастания в межконфессиональные и, как следствие, на международный уровень. Поскольку эти противоречия не позволяют обществу развиваться во взаимодействии, ее следует забывать и о высокой степени латентности данных преступлений, в том числе, совершаемых в сети «Интернет», и, как следствие – безнаказанности и что более опасно, повторности их совершения в виду безнаказанности. А, кроме того, и о транснациональном характере этого преступления, который состоит в том, что субъект и объект преступления находятся под юрисдикцией разных государств, т.к. достаточно часто такие преступления совершаются дистанционно при помощи автоматизированных систем и, как правило, отсутствуют следы и место преступления.

В связи с развитием социума, регулярно возникает потребность в уголовно-правовой охране отношений, которые на данный момент времени являются значимыми и требуют законодательного урегулирования. Для отражения необходимых норм в уголовном законе требуется охарактеризовать их социально-правовую обусловленность. Кроме того, она должна отвечать требованиям основного закона нашего государства – Конституции РФ, предполагающего защиту достоинства личности и запрет пропаганды неблагоприятных явлений в обществе, в целом.

Таким образом, подводя итог изложенному, отметим, что деяния, предусмотренные ст. 282 УК РФ, характеризуются высоким уровнем общественной опасности. Кроме того, след-

ствием совершения данных действий является столкновение друг с другом больших социальных групп, у которых в дальнейшем образовывается чувство ненависти и неприязни друг к другу, дополняя отношения между ними враждебными действиями. Поэтому дополнение диспозиции ст. 282 УК РФ Федеральным законом от 28 июля 2014 г. 179-ФЗ [3] указанием на такой альтернативный способ их совершения, как использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе и сети Интернет, соответствует общепризнанным научным критериям криминализации деяний и, тем самым, является социально обусловленным.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 282.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.06.2014 № 179-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6998.
4. Жеребченко А.В. Перспективы либерализации уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) / А.В. Жеребченко // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 84–87.
5. Жеребченко А.В. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства / А.В. Жеребченко // Прикладная юрид. психология. 2012. № 2. С. 35–38.
6. Иванцова Н.В. Несовершенство закона или правоприменительной практики? / Н.В. Иванцова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. № 1. С. 75–77.
7. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность как универсальная категория советского уголовного права. М. : Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989. 119 с.
8. Узембаева Г.И. Преступления экстремисткой направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Международный юридический институт, 2016. 196 с.
9. Яворский М.А. Некоторые проблемные моменты определения понятий «Возбуждение ненависти либо вражды» и «Унижение достоинства человека» в контексте ст. 282 УК РФ / М.А. Яворский, Д.С. Гордеев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 211–215.
10. Большинство экстремистских преступлений в России совершается в интернете. URL : <https://ria.ru/> (дата обращения 12.01.2021).

Literature:

1. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // RossiyskayaGazeta. 1998. 10 dec.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 27.11.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 282.
3. Federal Law «On Amendments to certain legislative Acts of the Russian Federation» of 28.06.2014 № 179-FZ // Sobraniezakonodatelstva RF. 2013. № 52 (part I). Art. 6998.
4. Zherebchenko A.V. Prospects for liberalization of criminal liability for incitement of hatred or hostility, and humiliation of human dignity (art. 282 of the criminal code) / A.V. Zherebchenko // Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia. 2019. № 3. P. 84–87.
5. Zherebchenko A.V. Social conditionality of establishing criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity / A.V. Zherebchenko // Applied jurid. psychology. 2012. № 2. P. 35–38.
6. Ivantsova N.V. Imperfection of the law or law enforcement practice? / N.V. Ivantsova // Bulletin of the Mari State University. A series of «Historical science. Legal sciences». 2019. № 1. P. 75–77.

7. Lyapunov Yu.I. Public danger as a universal category of Soviet criminal law. M. : Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1989. 119 p.
8. Uzembayeva G.I. Crimes of extremist orientation committed with the use of mass media or information and telecommunications networks: criminal-legal and criminological characteristics : autorec. dis. ... cand. of legal sciences. M. : International Law Institute, 2016. 196 p.
9. Yavorsky M.A. Some problematic aspects of the definition of the concepts «Incitement of hatred or enmity» and «Humiliation of human dignity» in the context of Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation / M.A. Yavorsky, D.S. Gordeev // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. № 4-3. P. 211–215.
10. Most extremist crimes in Russia are committed on the Internet. URL : <https://ria.ru/> (date of application 12.01.2021).

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В РАМКАХ СТ. 116 УК РФ

ON THE QUESTION OF THE ADMISSIBILITY OF EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE UNDER ARTICLE 116.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Усачева Алена Павловна

соискатель кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России,
майор внутренней службы
lalenal@mail.ru

Alena P. Usacheva

Candidate of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Major of the Internal Service
lalenal@mail.ru

Аннотация. Декриминализация ст. 116 УК РФ открыла ряд проблем, одной из которой является реализация права на необходимую оборону, ведь, когда потерпевшему лицу наносят побои, очень сложно определить характер причиняемого ему вреда, и в этот момент лицо, скорее всего, будет думать о своей личной безопасности, нежели о том, к какому виду ответственности будет привлечен нападающий. В связи с этим, не редки случаи превышения пределов самообороны при семейно-бытовых конфликтах. В статье автором анализируются положительные и отрицательные аспекты декриминализации ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации и её влияния на допустимость превышения необходимой обороны.

Ключевые слова:

декриминализация побоев, административная преюдиция, уголовная ответственность, допустимость, очевидность преступления.

Annotation.

The decriminalization of Art. 116 of the Criminal Code of the Russian Federation has revealed a number of problems, one of which is the realization of the right to the necessary defense, because when the victim is beaten, it is very difficult to determine the nature of the harm caused to him, and at this point the person is likely to think about his personal safety, rather than about what kind of responsibility will be brought by the attacker. In this regard, it is not uncommon for cases of exceeding the limits of self-defense in family conflicts. The author analyzes the positive and negative aspects of the decriminalization of Art. 116 of the Criminal Code of the Russian Federation and the impact on the admissibility of exceeding the necessary defense.

Keywords:

decriminalization of beatings, administrative prejudice, criminal liability, admissibility, evidence of the crime.

Вопросы, касающиеся необходимой обороны, актуальны для всех сфер жизнедеятельности граждан, включая права на защиту при нанесении им побоев близкими родственниками.

Статистические сведения МВД России иллюстрируют, что на протяжении 2015–2019 годов происходит устойчивый рост преступлений, совершенных в семье, – ежегодный прирост составил около 5000 случаев. [6]. Примечательно, что побои являются самыми распространенными деяниями в области семейно-бытовых отношений. Так, если в 2017 году было осуждено по ст. 116 УК РФ – 296 человек, то в 2018 году было осуждено лиц в три раза больше по сравнению с предыдущим годом (922 человека), а в 2019 году – в пять раз больше чем в 2017 г. (1386 человек) [7].

В 2017 году в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, в соответствии с которыми статья 116 УК РФ лишилась положения об ответственности за причинение побоев близким лицам, а равно, из указанной выше статьи было исключено примечание, где закреплялось определение понятия «близкие лица».

По логике законодателя, нанесение побоев в отношении близких лиц, причиненных впервые, должно наказываться в административном порядке, в соответствии со ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. При совершении аналогичного правонарушения повторно, виновное лицо уже будет нести уголовную ответственность в соответствии со ст. 1161 УК РФ.

В научном сообществе эти преобразования в законодательстве вызвали большой интерес, но при этом породили большие дискуссии. Так, одними учеными поддерживались произошедшие преобразования и утверждалось, что декриминализация влечет за собой ряд положительных моментов [1]. Так, по мнению С.Н. Сабанина и К.Г. Крюкова: «Благодаря этому, к ответственности будет привлекаться больше административных правонарушителей, которые склоны решать вопросы с помощью кулаков» [4, с. 160].

Однако стоит учитывать тот факт, что декриминализация ст. 116 УК РФ открыла ряд проблем, одной из которой является реализация права на необходимую оборону, ведь, когда потерпевшему лицу нанесют побои, очень сложно определить характер причиняемого вреда, и в этот момент лицо, скорее всего, будет думать о своей личной безопасности, нежели о том, к какому виду ответственности будет привлечен нападающий. В связи с этим, не редки случаи превышения пределов самообороны при семейно-бытовых конфликтах.

Основанием возникновения права на необходимую оборону следует признавать действия, исходя из их объективного восприятия, независимо от их уголовно-правовой оценки.

Данные изменения, внесенные в уголовно-правовое законодательство, итогом которого выступила частичная декриминализация побоев, обнажили множество проблем, самой очевидной из которых является реализация права на оборону от противоправного посягательства.

Как считает А.Г. Кибальник, появление новой нормы об ответственности за побои, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, является устоявшимся трендом уголовно-правовой политики, направленной на гуманизацию уголовного законодательства [2, с. 119].

Оставляя в стороне дискуссии о положительных и отрицательных аспектах декриминализации ст. 116 УК РФ и появлении ст. 1161 УК РФ, и допустимости административной преюдиции в нормах УК РФ, обратим внимание на другой немаловажный факт. Исходя из того, что нормы административного законодательства не содержат положения о необходимой обороне и не регулируют аспекты какой-либо защиты от административных правонарушений, встает вопрос о том, какая юридическая оценка будет дана действиям обороняющегося лица при причинении вреда нападающему.

Нам представляется, что решением указанной проблемы является исключение ст. 1161 из Особой части УК РФ, и возврат к предыдущей редакции ст. 116 УК РФ.

Изначально, перенос побоев из категории преступлений в разряд административных правонарушений и закрепления их в составе ст.6.1.1 КоАП РФ [3, ст. 1], предполагает, что рассматриваемое деяние, по каким-либо причинам, утратило свою общественную опасность. Однако не вызывает сомнений, что независимо от наступивших последствий, умышленное нанесение побоев или иные подобные насильственные действия, причиняющие лицу физическую боль, все же, относится к разряду общественно опасных действий, ведь, в положениях ст. 2 Конституции РФ установлено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Полагается, что к процедуре декриминализации следует подходить разумно и не исключать все составы преступлений из уголовного законодательства, в санкциях которых за совершение преступлений не установлено наказание в виде лишения свободы. Обращая внимание на значимую (по сравнению с административными правонарушениями) общественную опасность, указанные деяния нашли свое закрепление в УК РФ, и многие из них были незаконными на протяжении очень длительного периода времени. В настоящее время бесспорным фактом является то, что имеется возможность в административные правонарушения переводить некоторые преступные деяния, которые утратили свою общественную опасность.

Так, например, по мнению З.Э. Эргашевой: «Частичная декриминализация побоев, имеет положительное значение, поскольку, такое законодательное решение предполагает снижение уровня судимости населения и рецидива» [5, с. 134]. Правдивость такой точки зрения вызывает некоторые сомнения. К примеру, здоровье человека испокон веков представляет собой уголовную охрану, и такие же общественные отношения впервые выступили в качестве объекта административного правонарушения.

В настоящее время сложилась ситуация, при которой юридически отсутствует, закрепленное в действующем законодательстве, право на необходимую оборону от побоев. В связи с

этим, мы считаем правомерными действия обороняющихся лиц при попытке в отношении них насильственных посягательств, не представляющих опасности для здоровья, защищаемых ими лиц, исходя из неочевидности для защищающегося интенсивности проявляемого насилия и характера возможных последствий, поскольку в результате нанесения побоев, может быть причинен вред здоровью.

В виду изложенных фактов, вероятно, следует признавать превышением пределов необходимой обороны, умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства, осуществляемого в форме побоев, не образующих признаков преступлений, предусмотренных ст. 116 и 116.1 УК РФ, как основания для уголовной ответственности за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК РФ).

Правомерным применением необходимой обороны, следует признавать действия исходя из их объективного восприятия, независимо от их уголовно-правовой оценки.

Обоснованной является необходимая оборона от побоев, не образующих признаков преступлений, предусмотренных ст. 116 и 116.1 УК РФ, в силу не очевидности для обороняющегося интенсивности оказываемого насилия и характера последствий, возможно, представляющих опасность для его жизни и здоровья или для жизни и здоровья защищаемых им лиц.

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу о том, что декриминализация ст. 116 УК РФ влечет за собой не обоснованность в виду очевидного нарушения концепции и противоречит ст. 2 Конституции РФ, в виду очевидного нарушения концепции, как уголовно-правового, так и административного закона, обуславливающего введение в уголовный закон, как уголовно-правового, так и административного закона, обуславливающих введение в уголовный закон ст. 116.1 УК РФ, в которой предусмотрена ответственность за повторное нанесение побоев, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 6.1.1. КоАП РФ.

Литература:

1. Будникова А.Б. Декриминализация побоев: ожидания и результаты / А.Б. Будникова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 3(28). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/dekriminalizatsiya-poboev-ozhidaniya-i-rezultaty> (дата обращения 09.02.2021).
2. Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве / А.Г. Кибальник // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2. С. 119–125.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Сабанин С.Н. Декриминализация побоев: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки / С.Н. Сабанин, К.Г. Крюков // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36). С. 160–166.
5. Эргашева З.Э. К вопросу о декриминализации побоев / З.Э. Эргашева // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2016. № 3. С. 134.
6. Официальный сайт МВД России. URL : <https://мвд.рф/reports/item/22678184>
7. Официальный сайт МВД России. URL : <http://stat.xn---7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>

Literature:

1. Budnikova A.B. Decriminalization of beatings: expectations and results / A.B. Budnikova // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(28). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/dekriminalizatsiya-poboev-ozhidaniya-i-rezultaty> (date of application 09.02.2021).
2. Kibalnik A.G. Impermissibility of administrative prejudice in criminal legislation / A.G. Kibalnik // Bibliotekacriminalista. Scientific journal. 2013. № 2. P. 119–125.
3. The Code of the Russian Federation on Administrative offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (ed. of 02.12.2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (part 1). Art. 1.
4. Sabanin S.N. Decriminalization of beating: a comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the United States / S.N. Sabanin, K.G. Kryukov // Legal science and law enforcement practice. 2016. № 2(36). P. 160–166.

5. Ergasheva Z. E. On the issue of decriminalization of beatings // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. P. 134.
6. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <https://мвд.рф/reports/item/22678184>
7. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <http://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ И СПОСОБЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ**

**PROFESSIONAL REFLEXION OF FUTURE TEACHERS
AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT**

Базаева Фатима Умаровна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики,
Чеченский государственный
педагогический университет
porov-52@mail.ru

Fatima U. Bazaeva
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department of Pedagogy,
Chechen State Pedagogical University
porov-52@mail.ru

Аннотация. Одной из главных целей при изучении дисциплин профессионального образования будущего педагога является получение профессиональных знаний и умений. В целом, новые требования к педагогу состоят в том, чтобы уметь действовать не по шаблону, не по заранее и кем-то предписанному конспекту, а гибко, с учетом интересов детей и образовательных задач. Исходя из этого, возникает предположение о том, что ключевой характеристикой педагога должна стать рефлексия – умение оценивать эффективность своих действий и уже, исходя из такой оценки, их корректировать. Профессиональная рефлексия – это поэтапное осознание себя в процессе своей профессиональной деятельности. В данной статье проводится краткий теоретический обзор понятийного аппарата в области развития понятия «рефлексия» и его соотнесение с понятием профессиональная рефлексия. Описан методический инструментарий, используемый для формирования ключевых компетенций будущих педагогов и развития профессиональной рефлексии.

Ключевые слова:

высшее образование, педагог, рефлексия, способы развития профессиональной рефлексии.

Annotation.

One of the main goals in studying the disciplines of professional education of a future teacher is to obtain professional knowledge and skills. In general, the new requirements for the teacher are to be able to act not according to a template, not according to a prescription and someone prescribed by an outline, but flexibly, taking into account the interests of children and educational tasks. Based on this, the assumption arises that the key characteristic of the teacher should be reflection – the ability to assess the effectiveness of their actions and, based on this assessment, correct them. Professional reflection is a gradual awareness of oneself in the process of one's professional activity. This article provides a brief theoretical overview of the conceptual apparatus in the development of the concept of reflection and its correlation with the concept of professional reflection. The methodological tools used for the formation of key competencies of future teachers and the development of professional reflection are described.

Keywords:

higher education, teacher, reflection, ways of developing professional reflection.

Сегодня, в условиях стремительно меняющегося мира, в век компьютеров и высоких технологий как никогда растет потребность в высокообразованных специалистах, в сфере педагогики особенно. Следуя запросу времени и общества, вузы основной своей задачей считают воспитание, в первую очередь, хорошо образованного, всесторонне развитого, способного учиться в течение всей жизни, человека. Разработаны на основе педагогической деятельности стандарты, включающие совокупность компетенций, позволяющих педагогу успешно решать его функциональные задачи.

По мнению В. Шадрикова, И. Кузнецова и др., лишь на основе ключевого показателя – педагогическая рефлексия, можно оценить уровень компетентности в области личностных качеств педагога [5]. Это – важная характеристика личности и деятельности учителя, и необходимость её формирования обусловлена актуальным уровнем социокультурных и педагогических требований [4, с. 85]. Рефлексия помогает оценить качество профессионального действия. В свою очередь, профессиональное действие – это те умения, которые нужны взрослому для установления взаимодействия с ребёнком в педагогической деятельности. На современном этапе, при оценке своих действий, качества и соответствия задач собственной педагогической деятельности, исходя из развития участников педагогического процесса, при поиске новых форм и линий взаимодействия педагогу необходима профессиональная рефлексия.

Совершенно очевидно, что для характеристики рефлексии в педагогической деятельности необходим специальный конструкт – профессиональная рефлексия, который существует достаточно давно и детально изучен и описан в теории психологии и педагогики. Между тем, существует необходимость в определении эффективных стратегий формирования профессиональной рефлексии.

Одним из первых о рефлексии заговорил Дж. Локк. По его мнению, рефлексия – целенаправленный процесс осознанного восприятия реализуемой деятельности с точки зрения осмысления собственного опыта. По мнению Фитхе и Гегеля, рефлексия – это инструмент преодоления складывающихся стереотипов, и данный процесс стоит интерпретировать не как самоанализ профдеятельности, а инструмент развития, самообразования и самосовершенствования. Рефлексия – это возможность отойти от своего опыта, переосмыслить его для решения новых задач, она позволяет зафиксировать противоречия, которые появляются в процессе развития [6, с. 26–29]. В современной психологической литературе довольно часто мы можем встретить терминологическую интерпретацию рефлексии, прежде всего, как самоанализ. Многие авторы, выходя за рамки теоретического понимания, подключают практические особенности данного процесса, то есть, сопоставляют данный процесс с анализом, продуктивным мышлением, личностным развитием, самосовершенствованием и возможностью личности выходить за рамки своей практической деятельности с целью преодоления проблем и обновления деятельности [4, с. 86].

Дж. Дьюи описывал рефлексия педагога как особую форму мышления [7, с. 16]. По мнению Дж. Дьюи, для рефлексии необходимо время, чтобы понять и переосмыслить совершённое действие. Для этого человеку необходимо посмотреть на событие со стороны, занять внешнюю позицию по отношению к этому событию. Все эти действия приводят к тому, что человек начинает осознавать важность знаний и практического опыта о том, где его можно применить. Это и есть результат рефлексии.

Рефлексия – это то, что позволяет педагогу увидеть, как его действия отражаются на действиях, поведении и развитии ребёнка. Э. Лепмерт-Шепель считает, что рефлексия является высшей психической функцией, а значит, её становление связано с освоением культурных средств. «В качестве таких культурных средств Э. Лемперт-Шепель выделяет рефлексивный диалог, нарратив (историю), схему, исследование/наблюдение, метафору» [8]. Совершая рефлексивный выход по отношению к ситуации, человек занимает внешнюю позицию. Это даёт ему возможность увидеть собственные ограничения в ходе анализа ситуации. Таким образом, появляются два слоя: само действие и собственное понимание действия.

За счёт изменения понимания человек может выстроить новое действие. Для рефлексии необходимо критическое мышление и умение сомневаться в наличном описании реальности. О рефлексивном преодолении проблемной ситуации и его влиянии на развитие писал в своих работах В.К. Зарецкий [3, с. 20]. В своем исследовании В.К. Зарецкий размышляет о рефлексивно-деятельностном подходе. С точки зрения образования будущих педагогов рефлексивно-деятельностный подход – базовая цель педагога, то есть, создавая определенные условия, педагог должен сподвигнуть учащегося для преодоления проблемной ситуации. Основная задача педагога в этом случае – это помощь для самостоятельного действия. Такое действие является субъектным, оно позволяет ребёнку или подростку справиться с синдромом выученной беспомощности, который сформировался в опыте, и выйти на уровень субъектности действия.

Исследования В.К. Зарецкого показывают, что при таком построении педагогического процесса начинает действовать феномен, который описал Л.С. Выготский, когда один шаг в обучении может дать сто шагов в развитии [2, с. 44–48]. Итак, в субъективном понимании феноменологический контекст понятия рефлексия рассматривается как: «Субъектная позиция,

деятельность и рефлексия образуют триаду, в которой эти понятия оказываются связанными вполне определенным образом» [3, с. 12]. Это позволяет нам говорить о процессе, в результате которого рефлексия позволяет, в первую очередь, выстраивать целевой ориентир на продуктивность и смылосодержательный контекст реализуемой деятельности; во-вторых, рефлексия – осознание собственного места в реализуемой деятельности с точки зрения субъекта, определение собственной позиции по отношению к собственному труду и профессиональной деятельности.

В профессиональной подготовке педагогов применение рефлексивно-деятельностного подхода предложили использовать Е.И. Булин-Соколова и А.С. Обухов. По их мнению, для того чтобы педагоги получили опыт в результате которого оценивается продуктивность деятельности не только на уровне учащихся, но и на уровне педагога, должна сформироваться определенная схема действий «один осознает, как он учит, другой – как и чему он учится» [1, с. 207–225]. В процессе данного опыта должно происходить осознание смыслового контекста деятельности.

Итак, сопоставив различные точки зрения, нам удалось определить, что существуют различные способы развития и понимания профессиональной рефлексии.

Мы полагаем, что рефлексия – это, прежде всего, процесс прояснения, изучение опыта и возникших проблем, осмысление, которое ведёт к изменениям в реализуемой деятельности. Смысловой контекст понятия «рефлексия» на современном этапе достаточно актуален не только для педагогической практики и дальнейшего ее совершенствования, но и профессионального действия. Однако, рассматривая данный процесс на уровне психологического понимания и восприятия, мы можем сказать, что само понятие «рефлексия» раскрыто слабо, так как не ясно, что именно запускает рефлексию, по каким критериям оценивается проблемный фактор, на какие ключевые точки при осмыслении опыта должно быть направлено внимание педагога, а также, этапы и критерии оценки рефлексии.

Целесообразно определять уровни рефлексии и их зависимость от того, на что сфокусировано внимание. В зависимости от объективного понимания, фокус внимания может иметь различную направленность: фактический, процедурный, подтверждающий, критический. Из представленных направлений фактический фокус относится к низкому уровню рефлексии, так как основная направленность данного процесса – это рутинный процесс совершаемых действий, к нему, как правило, относят «рутинный» тип учителя. Остальные направления базируются не только на самооценивании, но и оценивании деятельности всех участников образовательного процесса.

Высокий уровень рефлексии – способность анализировать причины и особенности профессиональных действий. Низкий уровень – показатель социального клише, «внешнего коллективного кода» в результате которого человек не выходит за рамки возможного. Таким образом, в данном случае, педагог использует рефлексию механически, так как не может на практике учесть все различные варианты развития событий, особенности детей, с которыми он работает, различные точки зрения и так далее. В этом случае должен применяться метод «рефлексивного выхода», т.е., рефлексия даёт возможность приостановить свою деятельность и выйти за её пределы.

Совершая рефлексивный выход, по отношению к ситуации человек занимает внешнюю позицию. Это даёт возможность увидеть собственные ограничения в ходе анализа ситуации. Таким образом, появляются два слоя: само действие и собственное понимание действия.

Если рассмотреть данный вопрос с точки зрения практического применения и реализации именно в процессе обучения будущих учителей, то в качестве основных путей развития рефлексии в Вузе используют:

- групповые дискуссии и обратную связь;
- в процессе практики ведение рефлексивных дневников, сопоставление своей практики с существующими теоретическими подходами;
- наставничество (кураторство);
- проведение самооценки, создание программ практико-исследовательского характера (экспериментального и апрабационного типа).

Часто, в таких программах для развития профессиональной рефлексии одновременно используется несколько средств. К примеру, при подготовке учителей музыки и изобразительного искусства используются разные способы развития профессиональной рефлексии: самоанализ практики, анализ видео и фото своей работы с учащимися, рефлексия практики с опорой на вопросник, документирование, протоколирование, ведение записей наблюдения за учащи-

мися. В процессе формирования профессиональной рефлексии у студентов используется различный практический инструментарий, позволяющий не только грамотно вытраивать исследовательскую часть в процессе практики, но и сопоставлять апробационный материал, выявлять положительные и отрицательные моменты, делать заключение, правильно оценивать критику и быть самокритичным. Самокритика, в этом контексте, должна выступать как движущий фактор для саморазвития и совершенствования своей профессиональной деятельности. Охарактеризуем основные способы, для развития профессиональной рефлексии, используемые в процессе практики студентами.

Самоанализ. Эта форма рефлексии проводится устно или письменно, итогом являются записи студентов в дневнике практики после проведения деятельности с детьми во время педагогической практики. Обучение самоанализу включено в программу практики подготовки специалистов. Оно состоит из двух этапов.

На первом этапе проводится обучение студентов анализу педагогической деятельности. Студенты наблюдают за работой специалистов в дошкольных учреждениях, анализируют их работу с опорой на вопросы и пишут анализ.

На втором этапе студенты учатся анализировать свою деятельность, то есть пишут уже самоанализ, но с опорой на вопросы. Акцент в данной работе делается на то, что у студентов получилось в соответствии с поставленной целью развития детей дошкольного возраста, какие возникли сложности с реализацией цели, с проведением деятельности, в чём причины сложностей, что студент планирует делать в дальнейшем, чтобы закрепить успех и скорректировать проблемные места.

Сложности, которые можно выделить из практики обучения студентов в этом виде работы:

- часто, анализ и самоанализ пишутся формально;
- текст сводится к перечислению действий без поиска логических взаимосвязей между целью деятельности, действиями воспитателя и детей и полученным результатом;
- редко студент может выйти на новый уровень своей деятельности, так называемый, рефлексивный выход.

Анализ видео. Эта форма работы, фактически, мало используется при подготовке специалистов дошкольного воспитания, хотя несёт в себе очень мощный рефлексивный потенциал. При просмотре видео человек видит себя со стороны. У него есть возможность увидеть в своей практике сильные стороны и дефициты, на которые он может работать, изменяя свою деятельность в соответствии с увиденным со стороны в записи. Этот инструмент позволяет более тонко корректировать собственную педагогическую деятельность. При обучении анализу видео обязательно нужен наставник (куратор), который помогает студенту тем, что обращает внимание на положительные моменты в видео, на дефициты и на то, что можно поменять в деятельности. Данный инструмент помогает быстрее понять, что так, а что не совсем так, и как поменять свою деятельность, потому что студент реально видит картинку: как он осуществляет деятельность с детьми, минимум искажений, не надо припоминать и вспоминать.

При использовании этого инструмента тоже есть свои сложности. Одна из них связана с преодолением барьера «меня будут оценивать» и с переходом на уровень анализа «мне помогают увидеть, как сделать мою работу с детьми более качественной», а в дальнейшем – на рефлексивный уровень «я могу соотнести свою цель/замысел с тем, что получилось и сделать лучше/по-другому/более качественно и так далее, то есть – рефлексивный выход».

Рефлексивный анализ видео по своей сути очень похож на самоанализ практики студентов тем, что тоже представляет собой оценивание своей деятельности с опорой на вопросы. Но есть существенное отличие. Если в самоанализе вопросы формулируются с учётом вида деятельности (игра, непосредственная образовательная деятельность, взаимодействие с родителями и так далее), то тут общий, универсальный бланк, применимый для любого подвида педагогической деятельности. В его основе – сопоставление замысла результата, что, на взгляд студента, получилось – не получилось, пути решения/ устранения дефицита и рефлексивный выход.

Несмотря на универсальность, здесь тоже есть свои сложности. И они очень похожи на сложности в самоанализе практики. Здесь так же возможно простое перечисление действий, без соотнесения с целью деятельности, зачастую нет соотнесения действий педагога/студента с изменениями в поведении детей, нет выхода на решение возникших в ходе деятельности сложностей или решение формальное, зачастую прописываются сложности студента при организации деятельности, а не сложности при решении поставленных задач.

Бальная проф-оценка. Позволяет настроить фокус восприятия педагогической деятельности; она направлена на работу с аргументацией. То есть, надо не только отметить в бланке, что ты видишь, но и аргументировать, как ты это увидел, провести градационные приоритеты в соответствии с баллами. При работе с данным методом так же, как и при обучении самоанализу, необходимы два этапа.

Первый этап – оценка деятельности или видео других специалистов с использованием бланка «проф. баллы».

Второй этап – оценка своего видео с использованием этого бланка. При настройке фокуса внимания очень важна работа с аргументом.

Данный инструмент позволяет натренировать умение выделять наблюдаемое в деятельности. Сложности при использовании данного инструмента связаны, в основном, с аргументированием. Часто студент отмечает наблюдаемое верно, но как он это заметил, сказать не может. Либо приводит нерелевантный аргумент. В этом процессе очень важно использовать рефлексию, чтобы понять, как отметить наблюдаемое, на что обращается внимание, что выделяется в качестве аргумента и какова оценка в баллах.

Итак, рефлексия возникает в диалоге, когда разные участники процесса представляют своё видение ситуации. Рефлексия позволяет педагогу стать субъектом своей деятельности, понимать, что и зачем он делает, совершая педагогическое действие. На основе этого рефлексивного понимания педагог определяет будущие стратегии своего взаимодействия. Это понимание позволяет ему осуществлять выбор задач на основе его индивидуальных особенностей, интересов, инициатив и возникающих во взаимодействии ситуаций. То есть, профессиональная рефлексия позволяет педагогу строить гибкое профессиональное действие в зависимости от культурных норм и возможностей участников педагогического процесса.

Литература:

1. Булин-Соколова Е.И. Будущее педагогическое образование. Направление движения и первые практические шаги / Е.И. Булин-Соколова, А.С. Обухов, А.Л. Семенов // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 3. С. 207–225.
2. Зарецкий В.К. Теорема Л.С. Выготского «Один шаг в обучении – сто шагов в развитии»: в поисках доказательства / В.К. Зарецкий // Культурноисторическая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 44–63.
3. Зарецкий В.К. Становление и сущность рефлексивно-деятельностного подхода / В.К. Зарецкий // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 2. С. 8–37.
4. Колышева Т.А. Профессионально-личностная рефлексия педагога-музыканта: операциональный компонент / Т.А. Колышева, Т.И. Благинина // Музыкальное искусство и образование. *Musical Art and Education*. 2020. Т. 8. № 3. С. 86.
5. Профессиональная рефлексия как условие продуктивной педагогической деятельности. URL : <https://urok.1sept.ru/articles/659584> (режим доступа 20.03.2021).
6. Шиян О.А. Развитие рефлексии в рамках педагогической практики будущих воспитателей: обзор современных подходов / О.А. Шиян, С.М. Журавлева, С.А. Зададаев, Е.Е. Крашенинников, С.К. Копасовская, М.А. Милькеева, Ю.О. Оськина, А.Н. Якшина // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: педагогика и психология. Педагогическое образование. 2019. № 4-50. С. 25–36.
7. Шиян О.А. Средства развития профессиональной рефлексии педагогов дошкольного образования / О.А. Шиян, А.Н. Якшина, С.А. Зададаев, Т.Н. Леван // Современное дошкольное образование. 2019. № 4(94). С. 14–35.

Literature:

1. Bulin-Sokolova E.I. Future pedagogical education. Direction of movement and first practical steps / E.I. Bulin-Sokolova, A.S. Obukhov, A.L. Semenov // Psychological science and education. 2014. Vol.19. № 3. P. 207–225.
2. Zaretsky V.K. L.S. Vygotsky's theorem «One step in training – one hundred steps in development»: in search of proof / V.K. Zaretsky // Cultural history psychology. 2015. Vol. 11. № 3. P. 44–63.
3. Zaretsky V.K. The formation and essence of a reflexive-activity approach / V.K. Zaretsky // Advisory psychology and psychotherapy. 2013. № 2. P. 8–37.

4. Kolysheva T.A. Professional-personal reflection of a teacher-musician: an operational component / T.A. Kolysheva, T.I. Blaginina // Musical art and education. Musical Art and Education. 2020. Vol. 8. № 3. P. 86.
5. Professional reflection as a condition of productive pedagogical activity. URL : <https://urok.1sept.ru/articles/659584> (access mode 20.03.2021).
6. Shiyan O.A. The development of reflection in the framework of the pedagogical practice of future educators: an overview of modern approaches / O.A. Shiyan, S.M. Zhuravleva, S.A. Zadadaev, E.E. Krasheninnikov, S.K. Kopasovskaya, M.A. Milkeeva, Yu.O. Oskin, A. Sykina. Series: pedagogy and psychology. Pedagogical education. 2019. № 4-50. P. 25–36.
7. Shiyan O.A. Means of development of professional reflection of teachers of preschool education / O.A. Shiyan, A.N. Yakshina, S.A. Zadadaev, T.N. Levan // Modern preschool education. 2019. № 4(94). P. 14–35.

К ВОПРОСУ О ДИДАКТИКЕ КАК О ТЕОРИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЯХ ОБУЧЕНИЯ

TO THE QUESTION OF DIDACTICS – AS THEORIES OF EDUCATION AND LEARNING TECHNOLOGIES

Гришай Елена Владимировна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
ev-grishay@mail.ru

Elena V. Grishay

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
ev-grishay@mail.ru

Шубакин Алексей Алексеевич

преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
ev-grishay@mail.ru

Alexey A. Shubakin

Lecturer of the Department
Administrative Activities
of the Department of Internal Affairs,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
ev-grishay@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается дидактика как педагогическая теория обучения. Принципы обучения характеризуют способы использования законов и закономерностей в соответствии с намеченными целями. Соблюдение принципов обучения – важнейшее условие эффективности процесса обучения, показатель педагогической культуры. Отдельные стороны применения того или иного принципа обучения раскрывают дидактические правила.

Ключевые слова:

дидактика, обучение, воспитание, профессиональное образование, педагогические методы, технология обучения, закономерность, закон.

Annotation. This article examines didactics as a pedagogical theory of learning. Teaching principles describe how laws and patterns are used in accordance with intended goals. Compliance with the principles of teaching is the most important condition for the effectiveness of the teaching process, an indicator of pedagogical culture. Some aspects of the application of one or another teaching principle reveal didactic rules.

Keywords:

didactics, teaching, upbringing, professional education, pedagogical methods, teaching technology, regularity, law.

Взаимная связь категорий «образование» и «обучение», неоднократно подчеркивались в научной литературе, где говорится о том, что образованность личности во многом является результатом ее обучения. Поэтому в рамках данной статьи мы хотели бы рассмотреть вопросы, связанные с обучением сотрудников ОВД. Отрасль педагогики, изучающая теоретические основы организации процесса обучения, его закономерности, принципы и методы, называется дидактикой. Это понятие впервые ввел в научный оборот немецкий педагог Вольфганг Ратке (1571–1635) для обозначения искусства обучения (в курсе лекций «Краткий отчет из дидактики, или искусство обучения Ратихия»). Со времен Ратке (Ратихия) неизменными остаются и основные задачи дидактики – когда, где, кого и зачем учить. Ян Амос Коменский (1592–1670) в

своей работе «Великая дидактика» вкладывал в него тот же смысл, определяя как «всеобщее искусство учить всех всему». Он придал термину «дидактика» широкое значение; полагал, что дидактика представляет собой искусство не только обучения, но и воспитания. В начале 19 века немецкий педагог Иоганн Фридрих Герbart (1746–1841) придал дидактике статус целостной и непротиворечивой теории воспитывающего обучения. Он считал дидактику частью педагогики, а ее предмет – воспитывающее обучение – трактовал как важнейший фактор воспитания. Значительный вклад в решение важнейших проблем научной дидактики внес выдающийся русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870). Глубоко изучив процессы психического развития и воспитания детей, он многое сделал для раскрытия сущности обучения. В настоящее время дидактика концентрирует внимание на разработке проблем теории обучения. Проблемы воспитания в дидактике самостоятельно не рассматриваются, хотя ни обучение, ни образование без воспитания не существуют [3]. Отсюда следует, что дидактика – это педагогическая теория обучения, дающая научное обоснование его содержания, методов и организационных форм. Некоторые авторы вкладывают более широкий смысл в понятие «дидактика» [1]. По мнению И.П. Подласого, дидактика – наука об обучении и образовании, их целях, содержании, методах, средствах, организации, системах и технологиях, достигнутых результатах (продуктах). В.И. Андреев считает, что и такое определение является недостаточно полным, так как:

Во-первых, существует не одна, а несколько обоснованных и эффективных теорий образования и обучения: теории развивающего, проблемного, модульного и других видов и типов обучения.

Во-вторых, особенно в последние годы в дидактике все более последовательно проводится мысль, что дидактика не заканчивается теорией образования и обучения, а выходит на уровень технологии обучения.

Поэтому более полным, считает В.И. Андреев, будет следующее определение дидактики. Дидактика – это наука о теориях образования и технологиях обучения. Обучение – совместная деятельность обучаемого и преподавателя, направленная на достижение учебных целей, овладение знаниями, умениями и навыками, заданными учебными планами и программами [3]. Как подчеркивает Л.П. Крившенко, под обучением понимают активную целенаправленную познавательную деятельность обучаемого под руководством преподавателя, в результате которой обучаемый приобретает систему научных знаний, умений и навыков, у него формируется интерес к учению, развиваются познавательные и творческие способности и потребности, а также нравственные качества личности. Современная дидактика концентрирует внимание на разработке следующих основных направлений:

- закономерности обучения,
- принципы и правила обучения,
- цели и содержание обучения,
- формы и методы обучения;
- возможности новых образовательных технологий;
- диагностика учебного процесса и его результатов [3].

Проблема педагогических законов, закономерностей и принципов обучения является одной из наиболее актуальных в науке. Она многократно подвергалась обсуждению, но и сегодня нет четкого разграничения этих понятий, иногда закономерности подменяются принципами, отождествляются законы и закономерности. Понятия «закон» и «закономерность» употребляются в педагогике как философские категории. Закон – это необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. Закон выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также между свойствами внутри вещи. По мнению В.А. Сластенина., И.Ф. Исаева, Е.И. Шиянова педагогический закон – это категория, обозначающая объективные, существенные, необходимые, общие и устойчиво повторяющиеся связи между явлениями образования, компонентами педагогической системы, отражающие механизмы ее самоорганизации, развития и функционирования [3]. В философии закономерность – более широкое понятие, чем закон. Закономерность – результат совокупного действия множества законов. Поэтому закономерность выражает многие связи и отношения, тогда как закон отражает определенную связь, определенное отношение [2]. Закономерности обучения – это устойчиво повторяющиеся связи между составными частями, компонентами процесса обучения. Объективные законы и закономерности, отражающие существенные и необходимые связи между явлениями и факторами обучения, позволяют понять общую картину развития дидактических процессов. Однако они не содержат непосредственных

указаний для практической деятельности, а являются лишь теоретической основой для разработки и совершенствования ее хронологии. Практические рекомендации и требования к осуществлению обучения находят выражение и закрепление в принципах и правилах обучения. Принципы обучения (дидактические принципы) – это основные (общие, руководящие) положения, определяющие содержание, организационные формы и методы учебного процесса в соответствии с его целями и закономерностями. Принципы обучения характеризуют способы использования законов и закономерностей в соответствии с намеченными целями. Соблюдение принципов обучения – важнейшее условие эффективности процесса обучения, показатель педагогической культуры преподавателя. Отдельные стороны применения того или иного принципа обучения раскрывают дидактические правила. Правила вытекают из принципов обучения. Правила обучения – это конкретные указания преподавателю, как надо поступать в типичной педагогической ситуации процесса обучения. В обучении находят свое проявление общие законы диалектики и специфические законы обучения. К общим законам диалектики относятся: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных накоплений в качественные изменения, закон отрицания отрицания. В процессе обучения действует закон единства и борьбы противоположностей. Противоречия возникают в силу того, что современные требования, являющиеся следствием новых социальных условий, изменившихся возможностей личности, сложившейся образовательной ситуации, приходят в несоответствие с традиционными, устоявшимися представлениями и взглядами на процесс обучения. Изменения в экономической, политической и культурной жизни нашей страны привели к резкой смене общественных ценностей и установок, востребовали ранее непопулярные качества личности, такие как предприимчивость, деловитость, рискованность. Это, в свою очередь, потребовало изменения процесса обучения, его содержания, технологии. В процессе обучения проявляется также действие закона перехода количественных накоплений в качественные изменения. Все интегративные личностные характеристики (убеждения, мотивы, установки, потребности, ценностные ориентации, индивидуальный стиль деятельности, умения и навыки) представляют собой результат накопления количественных изменений. Переход количества в качество происходит, по механизму закона отрицания отрицания, то есть, диалектического снятия и сохранения существенных свойств и признаков на последующих этапах развития. Личностные и психические новообразования вбирают в себя все ранее накопленное человеком. Интегративные качества «отрицают» ранее сложившиеся. Действие механизма отрицания проявляется в процессе формирования учебных навыков, когда на основе многократных повторений отдельные действия преобразуются в сложный навык. Кроме общих законов диалектики, в обучении проявляются также специфические педагогические законы. В истории дидактики многие ученые предпринимали попытки выделить и сформулировать педагогические законы. Например, И.Г. Песталоцци сформулировал следующий закон обучения: от смутного созерцания к ясным представлениям и от них к ясным понятиям [1]. Немецкий педагог Э. Мейман сформулировал три закона:

- развитие индивидуума с самого начала определяется в преобладающей степени природными задатками;
  - ранее всего всегда развиваются те функции, которые являются наиболее важными для жизни и удовлетворения элементарных потребностей ребенка;
  - душевное и физическое развитие ребенка происходят неравномерно.
- А.В. Хуторской выделяет следующие законы обучения:
- социальной обусловленности целей, содержания, форм и методов обучения;
  - взаимосвязи творческой самореализации ученика и образовательной среды; взаимосвязи обучения, воспитания и развития;
  - обусловленности результатов обучения характером образовательной деятельности учащихся;
  - целостности и единства образовательного процесса. Закон социальной обусловленности целей, содержания, форм и методов обучения [2].

Социальный строй и общественно-экономические отношения оказывают определяющее влияние на основные компоненты процесса обучения: его цели, содержание, методы, формы организации. Например, демократические преобразования конца XX в. обусловили появление в стране негосударственных образовательных организаций, авторских школ и обучающих систем. Закон взаимосвязи творческой самореализации обучаемого и образовательной среды. По своей духовной и природной сущности человек есть творец. Степень реализации творческого потенциала обучаемого зависит от условий, средств и технологий образовательного процесса. Творческую самореализацию повышают открытое содержание образования, природосообраз-

ные технологии обучения, возможность индивидуальной траектории, темпа и форм обучения. Закон взаимосвязи обучения, воспитания и развития. Любая деятельность, направленная на обучение, сопряжена с развитием в обучаемом его личностных качеств, с его воспитанием как члена общества. Даже, если педагог не ставит явных воспитательных или развивающих целей, он все равно своей деятельностью не только обучает, но и воспитывает, оказывает влияние на формирование соответствующих качеств учеников, на развитие их как личности. Закон обусловленности результатов обучения характером образовательной деятельности обучаемых. Результаты обучения зависят от активности самой личности. На результаты обучения оказывают влияние также применяемые технологии, формы и методы обучения. Закон целостности и единства образовательного процесса. Данный закон устанавливает необходимость внутреннего согласования между собой всех компонентов образовательного процесса (целей, содержания, средств, методов, форм, технологий и т.д.). Различают также общие и частные (конкретные) закономерности обучения. Общие закономерности свойственны любому образовательному процессу, они охватывают своим действием всю систему обучения. К общим закономерностям относятся:

- закономерности цели обучения (например, цель обучения зависит от потребностей и возможностей общества);
- закономерности содержания обучения (например, содержание обучения зависит от общественных потребностей и целей обучения; возрастных возможностей обучаемых);
- закономерности качества обучения (например, эффективность нового этапа обучения зависит от продуктивности предыдущего этапа и достигнутых на нем результатов; времени обучения);
- закономерности методов обучения (например, эффективность дидактических методов зависит от знаний и навыков в применении методов; материально-технического обеспечения учебного процесса);
- закономерности управления обучением (продуктивность обучения зависит от интенсивности обратных связей в системе обучения; обоснованности корректирующих воздействий);
- закономерности стимулирования обучения (например, продуктивность обучения зависит от мотивов обучения).

Действие частных закономерностей распространяется на отдельные стороны системы обучения. К частным закономерностям процесса обучения относятся закономерности:

- собственно дидактические (результаты обучения зависят от применяемых методов, средств обучения, профессионализма преподавателя и т.д.);
- гносеологические (результаты обучения зависят от познавательной активности обучаемых, умения и потребности учиться и т.д.);
- психологические (результаты обучения зависят от учебных возможностей обучаемых, уровня развития внимания, особенностей мышления);
- социологические (развитие индивида зависит от развития всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении, от уровня интеллектуальной среды, от стиля общения преподавателя);
- организационные (эффективность процесса обучения зависит от его организации)

[2].

Закономерности обучения находят свое конкретное выражение в принципах и вытекающих из них правилах обучения. В современной дидактике под принципами обучения понимают исходные, руководящие идеи, нормативные требования к организации и осуществлению образовательного процесса. Принципы обучения определяют деятельность обучающего и характер познавательной деятельности обучаемого. Ученые издавна уделяли большое внимание обоснованию принципов обучения. Первые попытки в этом направлении были предприняты Я.А. Коменским, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци. Я.А. Коменский сформулировал и обосновал такие принципы обучения, как принцип природосообразности, прочности, доступности, систематичности. Большое значение принципам обучения придавал К.Д. Ушинский. Им наиболее полно раскрыты следующие дидактические принципы:

- обучение должно быть посильным для обучающихся, не чрезмерно трудным и не слишком легким;
- обучение должно всячески развивать у детей самостоятельность, активность, инициативу;
- порядок и систематичность – одно из главных условий успеха в обучении, школа должна давать достаточно глубокие и основательные знания;

- обучение должно начинаться своевременно и быть постепенным;
- обучение должно вестись природосообразно, в соответствии с психологическими особенностями обучающихся;
- преподавание всякого предмета должно непременно идти таким путем, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько труда, сколько могут одолеть молодые силы [3].

Литература:

1. Карандашев В.Н. Методика преподавания психологии : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2006. С. 148.
2. Педагогика: теории, системы, технологии : учебник / Под ред. С.А. Смирнова. М. : Издательский центр «Академия», 2008. С. 276.
3. Педагогика профессионального образования : учеб. пособие / Под ред. В.А. Слостенина. М. : Издательский центр «Академия», 2008.
4. Педагогика: теории, системы, технологии : учебник / Под ред. С.А. Смирнова. М. : Издательский центр «Академия», 2008.
5. Подласый И.П. Педагогика : учебник. М. : Юрайт-Издат, 2009.

Literature:

1. Karandashev V.N. Methods of teaching psychology : textbook. SPb. : Peter, 2006. P. 148.
2. Pedagogy: theories, systems, technologies : textbook / Ed. S.A. Smirnov. M. : Publishing Center «Academy», 2008. P. 276.
3. Pedagogy of vocational education : textbook / Ed. V.A. Slostenin. M. : Publishing Center «Academy», 2008.
4. Pedagogy: theories, systems, technologies : textbook / Ed. S.A. Smirnov. M. : Publishing Center «Academy», 2008.
5. Podlasy I.P. Pedagogy : textbook. M. : Yurayt-Izdat, 2009.

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАБОТЕ ДЕТСКОГО САДА И ШКОЛЫ
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА**

**CONTINUITY IN THE WORK OF THE KINDERGARTEN AND SCHOOL
FOR THE PREVENTION OF CHILDREN'S ROAD TRAFFIC INJURIES**

Пуйлова Марина Алексеевна

кандидат педагогических наук,
профессор,
Таганрогский институт
имени А.П. Чехова,
филиал Российского государственного
экономического университета (РИНХ)
m_puilova@list.ru

Marina A. Pouilova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Professor,
Taganrog Institute
named after A.P. Chekhov,
branch of the Russian State
University of Economics (RINH)
m_puilova@list.ru

Лебедь Ирина Степановна

заведующая,
Детский сад № 10, г. Таганрог
sad10@tagobr.ru

Irina S. Swan

Head,
Kindergarten № 10, Taganrog
sad10@tagobr.ru

Фоменко Татьяна Геннадьевна

воспитатель,
Детский сад № 10, г. Таганрог
sad10@tagobr.ru

Tatiana G. Fomenko

Kindergarten teacher,
Kindergarten № 10, Taganrog
sad10@tagobr.ru

Аннотация. Дошкольное детство – уникальный период жизни человека, когда закладывается фундамент элементарных представлений о различных сферах жизнедеятельности, в частности, формируются навыки здорового образа жизни и безопасного поведения в окружающем мире. В статье рассматриваются теоретические аспекты проблемы преемственности и описан опыт работы образовательных организаций по реализации преемственности в вопросах профилактики детского дорожно-транспортного травматизма. В заключение авторы делают вывод о том, что проведенная ими работа по реализации преемственности в решении задач воспитания и обучения грамотных участников дорожного движения имеет положительный отклик со стороны воспитанников, обучающихся и их родителей, а и полученные результаты говорят о ее продуктивности.

Ключевые слова:

преемственность, дошкольное образование, начального общее образование, профилактика дорожно-транспортного травматизма.

Annotation.

Preschool childhood is a unique period of human life, when the foundation of elementary ideas about different areas of life is laid, in particular, the skills of healthy lifestyle and safe behavior in the world around them are formed. The article examines the theoretical aspects of the problem of continuity and describes the experience of educational organizations to implement continuity in the prevention of children's road traffic injuries. In conclusion, the authors conclude that their work to implement continuity in the tasks of education and training of literate road users has a positive response from pupils, learners and their parents, and the results indicate its productivity.

Keywords:

continuity, preschool education, primary general education, prevention of road traffic injuries.

Дошкольное детство – уникальный период жизни человека, когда закладывается фундамент элементарных представлений о различных сферах жизнедеятельности, в частности, формируются навыки здорового образа жизни и безопасного поведения в окружающем мире. В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования (ФГОС ДО) в числе задач дошкольного образования выделяются такие, как:

- «охрана и укрепление физического и психического здоровья детей, в том числе их эмоционального благополучия; обеспечение преемственности целей, задач и содержания образования, реализуемых в рамках образовательных программ различных уровней (преемственность основных образовательных программ дошкольного и начального общего образования);
- ...развитие способностей и творческого потенциала каждого ребенка как субъекта отношений с самим собой, другими детьми, взрослыми и миром;
- формирование общей культуры личности детей, в том числе ценностей здорового образа жизни, развития их социальных, нравственных, эстетических, интеллектуальных, физических качеств, инициативности, самостоятельности и ответственности ребенка» [5].

Реализуя данные задачи, дошкольные образовательные организации (ДОО) и начальное общее образование (НОО) стремятся обеспечить своим воспитанникам и обучающимся качественное образование, высокий уровень общей культуры, в том числе, и культуры поведения на дороге. Соблюдение правил безопасной жизни для каждого ребенка должно стать осознанной необходимостью.

По данным статистики УМВД ГАИ ГИБДД, ежегодно на дорогах совершается тысячи дорожно-транспортных происшествий с участием детей и подростков. Именно поэтому детский дорожно-транспортный травматизм (ДДТТ) остаётся важной проблемой общества, требующей решения при всеобщем участии педагогов, родителей и детей [4].

Министерство образования и науки Российской Федерации в Концепции содержания непрерывного образования (дошкольное и начальное звено) и на основании Письма от 25.03.94 «Об организации взаимодействия образовательных учреждений и обеспечения преемственности дошкольного и начального общего образования» отводит главную роль детскому саду в формировании у детей предпосылок универсальных учебных действий [6]. В связи с этим, актуализируется проблема преемственности на этапах дошкольного и начального общего образования в организации взаимодействия детей, педагогов и родителей воспитанников и обучающихся. Педагогические коллективы ДОО и школы работают над решением главной цели – обеспечение качественного дошкольного и начального образования путем совершенствования системы работы по созданию единого образовательного пространства в вопросах преемственности воспитания и обучения детей между дошкольным учреждением и начальной школой в вопросах воспитания собственной безопасности жизни детей.

В психолого-педагогической литературе вопросы преемственности рассматриваются в различных аспектах и нашли отражение в трудах целого ряда исследователей:

- Б.Е. Ширвиндт, З.А. Ходоровская, Л.П. Иванова (учет возрастных особенностей, как необходимое условие для рассмотрения проблемы преемственности);
- Л.П. Буева, Л.И. Новикова (важная роль коллектива является инструментом воспитания всех и средством развития каждого);
- Г.Г. Акмамбетов, Г.Н. Сырникова (согласованная связь между этапами преемственности) и др. [3].

Наиболее общее понимание преемственности трактуется как взаимосвязь между предыдущим и последующим образовательными этапами и сохранение определенных черт предшествующего опыта в последующем. Преемственность обеспечивает непрерывность развития не на основе отрицания старого, а на основе синтеза самого существенного из уже пройденных стадий, новых компонентов настоящего и будущего в развитии ребенка [1].

Для достижения успеха в решении вопросов преемственности необходимо учитывать внешние ресурсы:

- взаимодействие образовательных учреждений между собой и сотрудничество с субъектами административно-территориального образовательного округа;
- просветительская работа с родителями по вопросам подготовки детей к школе (родительские скайп-конференции, лектории, тренинги, диспуты);
- создание информационного пространства (публикации материалов в средствах массовой информации, интернет-сайты учреждений, электронные газеты, виртуальные экскурсии). Также важным является учет и внутренних ресурсов:
- лично ориентированный подход к воспитанию детей [2].

Несмотря на имеющиеся серьезные наработки в решении проблем преемственности между ДО и НОО, существуют отдельные аспекты данной проблемы, которые, применительно к современной ситуации, остаются малоизученными и требуют не только теоретической проработки, но и методического оснащения.

Преемственность в вопросах воспитания и обучения грамотных участников дорожного движения на протяжении нескольких лет реализует в своей работе МБДОУ «Детский сад № 10» г. Таганрога. В дошкольном образовательном учреждении существуют команды юных помощников инспекторов движения (ЮПИД), которые взаимодействуют с начальной школой (отряды юных инспекторов движения (ЮИД) и с техникумами и вузами – объединения «Дорожный патруль».

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», организация деятельности «Детского сада № 10» по формированию у воспитанников навыков безопасного поведения на дорогах построена на тесном сотрудничестве с разными социальными партнерами: МБОУ СОШ № 34, Областной государственной инспекцией безопасности дорожного движения (ОГИБДД) г. Таганрога, радиостанцией «Авто-радио», Муниципальной детской библиотекой имени М. Горького, дилерским центром «Ниссан Моторс Русс» и другими организациями города. Это сотрудничество регламентируется Комплексным планом мероприятий по предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма, утвержденным Управлением образования и ОГИБДД г. Таганрога.

С целью совершенствования форм и методов работы детского сада по предупреждению ДДТТ, с воспитанниками и их родителями в ДОО используются различные формы и методы. В частности, создана комиссия «За безопасность движения», задачей которой является повышение активности педагогического коллектива, родителей и детей в обеспечении безопасности дорожного движения; активизация работу в ДОО по пропаганде ПДД и безопасного образа жизни. В Комиссию входят представители педагогической, родительской общественности, сотрудники ОГИБДД г. Таганрога. Согласно ежегодным планам работы комиссии «За безопасность движения», на протяжении многих лет «Детский сад № 10» тесно взаимодействует по этому направлению с МБОУ СОШ № 34. Такое сотрудничество позволяет:

- систематически проводить занятия с дошкольниками по обучению их безопасному поведению на улицах и дорогах в специально оборудованных классах школы;
- проводить с ребятами из отряда ЮИД теоретические и практические занятия с воспитанниками в группах и на транспортной площадке детского сада.

Традиционными формами работы являются: совместные мероприятия, в которых ЮИДовцы принимают участие, такие, как посвящение старших дошкольников в юные помощники инспекторов движения, где будущим членам команды ЮПИД в торжественной обстановке вручается форма, эмблема команды. Отряд ЮИД школы № 34 приглашает воспитанников детского сада на театральные представления, где в игровой, доступной для дошкольников форме даются представления и отрабатываются навыки правильного поведения на дороге.

Совместное планирование работы по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма предполагает проведение акций для детей и их родителей, что способствует эффективному усвоению знаний правил дорожного движения у воспитанников и школьников, а у родителей актуализируется важность вопроса формирования таких знаний.

Проводятся ежегодно совместные широкомасштабные акции для детей, родителей и всех участников дорожного движения:

- акция «У светофора каникул нет!», (в летний период родители, воспитанники ДОО, отряд ЮИД в игровой форме закрепляют знания ПДД, участвуя в различных конкурсах и соревнованиях).

- акция «Водители, вы ведь тоже родители!», (цель: привлечь внимание общественности к проблеме детского дорожно-транспортного травматизма и его профилактике). В рамках этой акции ребята из старших групп ДОО, команда ЮПИД, отряд ЮИД школы № 34 пекут печенье, а затем вручают водителям с обращением соблюдать ПДД.

- акция «Пристегни свою жизнь» проводится на территории детского сада при участии ОГИБДД г. Таганрога, дилерского центра «Ниссан Моторс Русс», команды ЮИД школы № 34 для воспитанников и их родителей, в ходе которой обучают правильному и безопасному установлению автокресел в автомобиле, а детям прививают навык правильно пристегивать ремень безопасности. Акция сопровождается агитационным выступлением команды ЮПИД детского сада.

Традиционными стали акции «Засветись в темноте», во время которой ЮПИДовцы вручают фликеры младшим дошкольникам, а их родителям – памятки о значимости и пользе наличия световозвращающих элементов на одежде, которые являются важным средством защиты детей на проезжей части в темное время суток.

Детский сад № 10 стал активным участником Всероссийской акции «Дорога символ жизни!» В акции приняли участие воспитанники из команды ЮПИД и их родители, наставники из отряда ЮИД, инспекторы ОГИБДД города Таганрога. В качестве закрепления приобретенных знаний на лепестках символической ромашки водители и пешеходы оставляли свои пожелания и обещания соблюдать правила дорожного движения. Цель акции состояла в том, чтобы побудить участников дорожного движения задуматься о том, что они могут сделать для улучшения дорожной безопасности. Какой личный пример мы, взрослые, показываем детям. И что каждый из нас может сделать для того, чтобы наши дороги стали символом жизни.

В рамках проведения Всероссийской акции «Засветись в темноте, стань заметнее на дороге!», Детский сад № 10 при активном участии команды ЮПИД совместно с членами отряда юных инспекторов дорожного движения МБОУ СОШ № 34 разработали и провели акцию «Наши сани светятся сами». Была организована работа родителей вместе с детьми – украсить санки различными фликерами для того, чтобы санки стали яркими, оригинальными и заметными в темное время суток. Их можно с гордостью назвать Экологичным, Безопасным и Заметным видом транспорта. Ребятам из команды ЮПИД «Огоньки» была предоставлена честь поздравить с 40-летним юбилеем Таганрогский филиал Ростовской юношеской автошколы, на котором они с радостью подарили свое агитационное выступление всем участникам торжества.

При поддержке ОГИБДД города Таганрога, команды «Дорожный патруль» ТФ ГБПОУ РО «ДСК», члены команды ЮПИД принимают участие в съемке социальной рекламы по безопасному поведению на дороге и пропаганде соблюдения правил дорожного движения. Совместно с отрядом ЮИД МБОУ СОШ № 34 созданы 11 социальных роликов с призывом к родителям-водителям соблюдать правила дорожного движения. Ролики транслируются на местных телеканалах и в кинотеатрах нашего города перед началом киносеансов.

Также, в рамках совместного проекта с Авто Радио «Слушает Россия, Слушает Таганрог» голоса ребят, членов команды ЮПИД, звучат на радиоволнах Авто Радио – 102.6 ФМ с призывом ко всем участникам дорожного движения соблюдать правила безопасности на дороге.

Проведенная работа в рамках совместной деятельности детского сада и команды ЮИД школы № 34, а также – социальных партнеров, позволила сформировать знания о правилах дорожного движения у воспитанников, актуализировать представления их родителей о важности проведения подобных мероприятий. Нетрадиционные формы обучения дошкольников ПДД дали свои положительные результаты.

Проведенная работа и творческое взаимодействие детского сада № 10 и МБОУ СОШ № 34, по воспитанию грамотных участников дорожного движения подрастающего поколения дала положительный результат. По данным статистики УМВД ГАИ ГИБДД нет нарушителей правил дорожного движения среди воспитанников «Детского сада № 10 и МБОУ СОШ № 34, что является важным результатом проделанной работы [4]. Кроме того, статистические данные указывают на то, что и из числа родителей указанных учебных учреждений не выявлено нарушителей ПДД. На основании данного факта можно утверждать, что проведенная нами работа по реализации преемственности в решении задач воспитания и обучения грамотных участников дорожного движения имеет положительный отклик со стороны воспитанников, обучающихся и их родителей, а и полученные результаты говорят о ее продуктивности.

Литература:

1. Должикова Р.А. Реализация преемственности при обучении и воспитании детей в ДОУ и начальной школе / Г.М. Фсдосимов, Н.Н. Кулинич, И.П. Ищенко. М. : Школьная Пресса. 2008. 126 с.
2. Леонтьев А.А. Непрерывность и преемственность образования / А.А. Леонтьев / Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла. М. : Баллас. 2006. 306 с.
3. Санина Л.Д. Преемственность и перспективность начального образования: теория и практический опыт / Л.Д. Санина // Начальная школа: плюс – минус. 2001. № 9. С. 42–48.
4. Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL : <http://stat.gibdd.ru>

5. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154637
6. Шипунова В.А. Детская безопасность. Образовательная область «Безопасность». М. : Изд-во Цветной мир, 2014.

Literature:

1. Dolzhikova R.A. Implementation of continuity in teaching and raising children in preschool and primary schools / G.M. Fsdosimov, N.N. Kulinich, I.P. Ishchenko. М. : School Press. 2008. 126 p.
2. Leontiev A.A. Continuity and continuity of education / A.A. Leontiev // Educational system «School 2100». Pedagogy of common sense. М. : Ballas. 2006. 306 p.
3. Sanina L.D. Continuity and prospects of primary education: theory and practical experience / L.D. Sanina // Elementary school: plus-minus. 2001. № 9. P. 42–48.
4. Indicators of the state of road safety. URL : <http://stat.gibdd.ru>
5. Federal State educational standard of preschool education. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154637
6. Shipunova V.A. Children's safety. Educational area «Safety». Tsvetnoy Mir Publishing House, М., 2014.

УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СВЯЗНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ У ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТОМ РЕЧИ

CONDITIONS FOR IMPROVING COHERENT UTTERANCE IN PRESCHOOLERS WITH GENERAL UNDERDEVELOPMENT OF SPEECH

Тубеева Фиалета Казбековна
кандидат педагогических наук,
доцент,
Северо-Осетинский государственный
педагогический институт
mamievab.y@yandex.ru

Fialeta K. Tubeeva
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
North Ossetian State
Pedagogical Institute
mamievab.y@yandex.ru

Баликоева Мадина Владимировна
магистрант,
Северо-Осетинский государственный
педагогический институт
mamievab.y@yandex.ru

Madina V. Balikoeva
Graduate Student,
North Ossetian
State Educational Institute
mamievab.y@yandex.ru

Аннотация. По мнению авторов данной публикации, умение детей пользоваться в общении с окружающими правильной речью, понятно выражать свои мысли, говорить на родном языке чисто и выразительно является одним из необходимых условий полноценного развития личности ребенка. В статье рассматриваются различные способы совершенствования связного высказывания у дошкольников с общим недоразвитием речи, показаны условия для развития различных форм монологической речи.

Ключевые слова:

монологическая речь, дети дошкольного возраста, общее недоразвитие речи, связное высказывание, выразительность речи у дошкольников с общим недоразвитием речи.

Annotation. The ability of children to use in communication with others correct speech, it is clear to express their thoughts, to speak in their native language purely and expressively is one of the necessary conditions for the full development of the child's personality. The article discusses various ways to improve coherent utterance in preschool children with general speech underdevelopment, and shows the conditions for the development of various forms of monological speech.

Keywords: monologue speech, preschool children, general speech underdevelopment, coherent utterance, expressiveness of speech in preschool children with general speech underdevelopment.

Дошкольное детство – очень короткий отрезок в жизни человека, ведь это – всего первые 7 лет, но они имеют огромное значение для развития ребенка. В этот период развитие идет как никогда бурно и стремительно. Из совершенно беспомощного, ничего не умеющего существа младенец превращается в относительно самостоятельную, активную личность [1].

И вот уже ребенок скоро пойдет в школу. Всем в семье хочется, чтобы он учился с интересом, радостью, старанием. Но все ли сделано для того, чтобы ребенок был готов к этому? Достаточно ли развита его речь? Ведь от этого зависят его успехи в усвоении абсолютно всех предметов школьной программы [2].

К 5-ти годам речь ребенка должна быть, в основном, сформирована: он должен правильно строить фразу, четко произносить все звуки родного языка, его словарный запас должен быть достаточно обширен и богат [9].

Умение детей пользоваться в общении с окружающими правильной речью, понятно выражать свои мысли, говорить на родном языке чисто и выразительно является одним из необходимых условий полноценного развития личности ребенка. На этапе раннего развития речь детей носит ситуативный характер: ребенок использует отдельные слова, звукоподражания, жесты, мимику. Окружающим такая речь понятна лишь в определенной конкретной ситуации. С того момента, когда речь ребенка потенциально может быть внеситуативной и внеконтекстной, считается, что он овладел минимумом речевых умений [3; 5; 8].

Очень важно, проводя развивающие занятия с детьми 4–6 лет, стимулировать их речевую активность, выразительность речи, расширять словарь, вырабатывать способность к связному рассказу, изложению своих впечатлений и т.д. Но для этого вовсе не обязательны нудные каждодневные занятия. Лучше развивать речевые навыки в свободном общении с ребенком, в творческих играх. Использовать для этих занятий то, что дошкольник видит вокруг – дома, на улице, в детском саду. Можно вводить в его словарь названия не только предметов, но и их деталей и частей. «Вот автомобиль, а что у него есть?» – «Руль, сиденья, дверцы, колеса, мотор...» – «А что есть у дерева?» – «Корень, ствол, ветки, листья...» К этому возрасту дети, обычно, хорошо усвоили названия основных цветов, значит, можно познакомить их и с оттенками этих цветов (розовый, малиновый, темно-зеленый, светло-коричневый и т.д.) [9].

Рассматривая с ребенком какой-то предмет, следует задавать ему самые разнообразные вопросы: «Какой он величины? Какого цвета? Из чего он сделан? Для чего он нужен?». Можно просто спросить: «Какой он?» Так ребенок учится называть самые разные признаки предметов, развивает связную речь.

Названия свойств предметов закрепляются и в словесных играх. Например, если спросить у дошкольника: «Что бывает высоким?» – «Дом, дерево, человек...». «А что выше – дерево или человек? Может ли человек быть выше дерева? Когда?» Или: «Что бывает широким?» – «Река, улица, лента...» – «А что шире – ручеек или река?» Так дети учатся сравнивать, обобщать, начинают понимать значение отвлеченных слов «высота», «ширина» и др. Можно использовать для игры и другие вопросы, которые помогают освоить свойства предметов: что бывает белым? Пушистым? Холодным? Твердым? Гладким? Круглым? [3; 8].

Само собой разумеется, что для развития речи дошкольника трудно переоценить значение сказок, стихов, других художественных произведений. Чтение произведений обогащает словарь ребенка, развивает его связную речь, учит пониманию переносного значения слов. Конечно, происходит все это постепенно. Двух-трехлетний малыш постепенно учится слушать текст, отвечать на вопросы взрослых. Ребенок четвертого года жизни почти дословно запоминает текст сказки, последовательность действий в ней. Научиться пересказывать малышам хорошо помогает, так называемый, отраженный пересказ. Взрослый начинает фразу: «Жили-были дед...», а ребенок ее заканчивает: «...да баба»; взрослый: «И была у них...», ребенок: «...курочка Ряба» и т.д. Потом можно перейти к пересказу по вопросам: «Кого встретил Колобок?» – «Зайчика». – «Какую песенку Колобок ему спел?» и т.д. [5].

Когда ребенок овладеет умением пересказывать сказки, можно предложить ему для пересказа небольшие рассказы с несложным сюжетом. Например, сказки Сутеева. Очень охотно дети передают сюжеты мультфильмов, кукольных спектаклей, цирковых представлений, когда содержание захватывает их эмоционально. Постепенно следует подводить ребенка и к составлению рассказа по картине. Сначала, с помощью вопросов взрослого, а потом и самостоятельно он начнет высказываться о том, что на ней изображено. Для таких занятий нужно использовать интересные ребенку игрушки. Четырех - пятилетнему ребенку можно предложить для сравнения две куклы или два автомобиля. Сначала ему придется внимательно их рассмотреть, а потом уже рассказать, чем они похожи, а чем отличаются друг от друга. Учитывать описание различий для многих детей оказывается более простым занятием, чем нахождение сходных признаков. Получаются описание игрушек - можно предложить дошкольнику самому попробовать составлять небольшие сюжетные рассказы, подобрать несколько игрушек или картинок, позволяющих выстроить простую сюжетную линию (например, девочка – елочка – корзинка – грибок – ежик...). Спросите: Что могло случиться с девочкой в лесу? Кого она встретила? Что принесла домой? На первых порах можно предложить ребенку вариант рассказа от взрослого, а потом предоставить свободу действий малышу. Не страшно, если сначала он просто повторит рассказ взрослого. Нужно постепенно уводить его от подражания. Дети 4–5 лет уже могут рассказать о событиях собственной жизни, о своем личном опыте, причем, делать это очень выразительно. Можно предложить им, помещенные ниже, творческие задания.

Вспомни случай.

Выбрать с ребенком какое-то событие, в котором он недавно участвовал. Например, как он гулял по набережной и смотрел праздничный салют, встретил с родителем бабушку на вокзале, отмечал день рождения... по очереди с взрослым рассказывать друг другу, что видели, что делали; припоминать как можно больше деталей – до тех пор, пока уже нечего будет добавить к сказанному.

Говорить по-разному.

Попробовать один и тот же детский стишок прочитать сначала обычным голосом, потом очень быстро и очень медленно, басом и тоненьким голоском, делая ударение не на тех словах, на которых нужно. Изменив интонацию, можно безобидное стихотворение прочитать как страшную историю или как телевизионный репортаж. Если получится, попробовать использовать иностранный акцент. Да мало ли что можно придумать!

Бюро путешествий.

Каждый день взрослые с ребенком отправляются по обычному маршруту – в магазин или детский сад. А что, если попробовать разнообразить будни? Представить, что они отбывают в увлекательное путешествие. Обсудить вместе с малышом, на каком виде транспорта они будут путешествовать, что нужно взять с собой, что за опасности они встретят по дороге, какие достопримечательности увидят... Путешествуя, делиться впечатлениями.

Всегда под рукой.

Всем родителям знакомы ситуации, когда ребенка трудно чем-то занять, – например, во время долгого ожидания в очереди или утомительной поездки в транспорте. Все, что нужно в таких случаях, – чтобы в маминной сумочке нашлась пара фломастеров или, хотя бы, просто ручка. Нарисовать на пальчиках малыша рожицы: одна – улыбающаяся, другая – печальная, третья – удивляющаяся. Пусть на одной руке окажется два персонажа, а на другой, допустим, три. Малыш может дать персонажам имена, познакомить их между собой, спеть песенку или разыграть с ними сценку [3].

Лучший друг.

Если взрослый с малышом ждут чего-то в помещении, где разложены журналы, можно поиграть в «рассказы о лучшем друге». Пусть ребенок выберет картинку, которая ему нравится. Это может быть какой-то человек – большой или маленький – или животное. Попросить его рассказать о своем «лучшем друге». Где он живет? В какие игры любит играть? Он спокойный или любит побегать? Что еще можно о нем рассказать? [7].

Рассказы по картинкам.

Подобрать несколько картинок, связанных общим сюжетом. Например, из детского журнала (вроде «Веселых картинок»). Сначала смешать эти картинки и предложить малышу восстановить порядок, чтобы можно было по ним составить рассказ. Если ребенку трудно на первых порах, задать несколько вопросов. Не окажется под рукой такого набора сюжетных картинок – можно взять просто открытку. Спросить ребенка, что на ней изображено, что происходит сейчас, что могло происходить до этого, а что будет потом?

Истории из жизни.

Дети с удовольствием слушают рассказы о том, что происходило, когда они были совсем маленькими или когда их вовсе не было на свете. Можно рассказывать эти истории вечером перед сном, а можно на кухне, когда, чаще всего, руки взрослого заняты, а мысли свободны. О чем рассказывать? Например, как малыш пинался ножками у в животе у мамы, когда еще не родился. Или как взрослый учился кататься на велосипеде. Или как папа первый раз летал самолетом... Некоторые истории придется рассказывать даже не один раз. Подключиться к игре могут все члены семьи [6].

Мой репортаж.

Если родитель с ребенком побывали в какой-то поездке только вдвоем, без других членов семьи, рекомендуется предложить ему составить репортаж о своем путешествии. В качестве иллюстраций можно использовать фотоснимки или видеосюжеты. Дать ребенку возможность самому выбрать, о чем рассказывать, без наводящих вопросов, а также, понаблюдать за тем, что именно отложилось у него в памяти, что для него оказалось интересным, важным. Если начнет фантазировать, не останавливать. Речь малыша развивается независимо от того, какие события – реальные или вымышленные – им воспроизводятся [11].

Семейное ток-шоу.

Может быть, ребенку понравится идея попробовать себя в роли телевизионного ведущего? Для этого приготовьте магнитофон или диктофон для записи, дайте «журналисту» в руки

микрофон – и можно начинать интервью с бабушкой или дедушкой, тетей или сестрой... До начала интервью подскажите ребенку, какие вопросы можно задать. Например: «Какое у тебя любимое блюдо?.. А что ты любил есть в детстве?.. Куда бы ты хотел поехать?» [11].

Измени песню.

Детям нравится петь о знакомых вещах – о себе и своей семье, о своих игрушках и о том, что они видели на прогулке... Выберите хорошо известную песню и предложите ребенку придумать к ней новые слова. Ничего, если текст будет не слишком связным, много повторений – тоже не страшно. Рифмы не обязательны. Можно предложить и свой, «взрослый» вариант переработанного текста.

Чем закончилось?

Одним из способов развития связной речи может стать просмотр мультфильмов. С этой целью рекомендуется начать вместе с малышом смотреть интересный мультфильм, а на самом захватывающем месте «вспомните» про неотложное дело, которое взрослый должен сделать именно сейчас, но попросить ребенка рассказать позже, что произойдет дальше в мультфильме, и чем он закончится. Не забывайте поблагодарить рассказчика!

Таким образом, для коррекции и преодоления отставания в развитии речи у детей в дошкольном возрасте у родителей и педагогов имеется немало возможностей, которые они могут и обязаны максимально эффективно использовать.

Литература:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1999.
2. Жан Пиаже. Речь и мышление ребёнка. М., 1994.
3. Жукова Н.С. Логопедия. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников / Н.С. Жукова, Е.М. Мастюкова, Т.Б. Филичева. Екатеринбург, 1999.
4. Кряжева Н.Л. Мир детских эмоций (5–7 лет). Ярославль, 2001.
5. Реан А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. СПб., 2000.
6. Романюта В.Н. Ты и твои друзья. Учим детей общаться. М., 2002.
7. Семенака С.И. Уроки добра. М., 2002.
8. Флерова Ж.М. Логопедия. Ростов-н/Д., 2000.
9. Хватцев М.Е. Логопедия. Работа с дошкольниками. СПб.; М., 1996.
10. Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании. М., 1995.
11. Шипицына Л.М. Азбука общения / Л.М. Шипицына, О.В. Заширинская, А.П. Воронова. СПб., 2004.
12. Эльконин Д.Б. Детская психология. М., 1960.
13. Яковлева Н.Г. Психологическая помощь дошкольнику. М., 2002.

Literature:

1. Andreeva G.M. Social psychology. M., 1999.
2. Jean Piaget. Speech and thinking of the child. M., 1994.
3. Zhukova N.S. Speech therapy. Overcoming the general underdevelopment of speech in preschoolers / N.S. Zhukova, E.M. Mastjukova, T.B. Filicheva. Yekaterinburg, 1999.
4. Kryazheva N.L. The world of children's emotions (5–7 years). Yaroslavl, 2001.
5. Rean A.A. Social pedagogical psychology / A.A. Rean, Ya.L. Kolominsky. SPb., 2000.
6. Romanyuta V.N. You and your friends. We teach children to communicate. M., 2002.
7. Semenaka S.I. Lessons of kindness. M., 2002.
8. Flerova Zh.M. Speech therapy. Rostov-n/D., 2000.
9. Khvattsev M.E. Speech therapy. Working with preschoolers. SPb.; M., 1996.
10. Shevandrin N.I. Social psychology in education. M., 1995.
11. Shipitsyna L.M. The ABC of communication / L.M. Shipitsyna, O.V. Zashchirinskaya, A.P. Voronova. SPb., 2004.
12. Elkonin D.B. Child psychology. M., 1960.
13. Yakovleva N.G. Psychological assistance to preschool children. M., 2002.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

FOREIGN STUDENTS OF RUSSIAN UNIVERSITIES AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Гаврилов Павел Сергеевич
аспирант,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
pgavrilov@sfedu.ru

Pavel S. Gavrilov
Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
pgavrilov@sfedu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной, но еще мало изученной в социологии проблеме, связанной с иностранными студентами, обучающимися в российских вузах. Целый спектр проблем адаптационного характера, с которыми сталкиваются иностранные студенты в современной России, а также, низкий статус российского образования в современном международном образовательном пространстве, определяет актуальность социологической разработки данного направления. В статье проводится параллель с организацией системы обучения иностранных студентов в СССР и в современной России, что позволило прийти к выводу о необходимости воссоздания централизованной системы управления процессом обучения иностранных граждан в российских вузах. Безусловно, эта система должна учитывать реалии современного времени, в том числе и в отношении самого субъекта – иностранного студента с его системой мотивации обучения, ценностными ориентациями и барьерами адаптации к социокультурной среде принимающего сообщества. Иными словами, иностранный студент и его проблемы должны находиться в фокусе внимания российской социологии.

Ключевые слова:

молодежь, студенчество, иностранные студенты, социальные барьеры, адаптация, социокультурные условия, высшее образование.

Annotation.

This article is devoted to the actual, but still little studied in sociology, problem related to foreign students studying in Russian universities. A whole range of problems of an adaptive nature that foreign students face in modern Russia, as well as the low status of Russian education in the modern international educational space, determines the relevance of the sociological development of this direction. The article draws a parallel with the organization of the system of training of foreign students in the USSR and in modern Russia, which allowed us to come to the conclusion that it is necessary to recreate a centralized system for managing the process of training foreign citizens in Russian universities. Of course, this system should take into account the realities of modern times, including in relation to the subject itself – a foreign student with its system of learning motivation, value orientations and barriers to adaptation to the socio-cultural environment of the host community. In other words, the foreign student and his problems should be the focus of Russian sociology.

Keywords:

youth, students, foreign students, social barriers, adaptation, socio-cultural conditions, higher education.

Современное общество динамично развивается под влиянием информационных технологий, и в этом принципиально новом мире молодое поколение выступает авангардом социокультурной динамики. На него возлагаются значительные надежды как на социальную группу, от которой во многом зависит будущее общества, развивающегося в парадигме динамичных социальных трансформаций.

Особая роль в этом процессе отводится студенчеству, которое рассматривается как наиболее продвинутая в интеллектуальном и креативном плане часть молодежи, находящаяся в авангарде социальных перемен и социокультурного обновления социума [1, с. 202]. В данных обстоятельствах совершенно очевиден и оправдан социологический интерес к данному субъекту общественного развития, особенно в условиях повышенной значимости высшего образования в современном мире и в российском обществе, в том числе.

Выступая особой социально-демографической группой с характерными показателями численности, половозрастной структуры, территориального распределения, социального статуса и т.д., студенчество отличается также специфическими и общими для данной группы чертами, связанными с общим видом деятельности, интересами, образом жизни, что оформляет ее в определенную социально-профессиональную группу с групповым самосознанием и специфической субкультурой [2; 9]. Характер проблем, с которыми сталкивается студенчество, также имеют общий вектор, производный от самой природы студенческого периода жизни, который определяет временный характер статуса студента, его неопределенность и несамостоятельность в системе социально-профессиональных и трудовых отношений, значительную материальную зависимость от родителей.

Конечно же, многое зависит от общественного порядка с его системой социально-экономических и политических отношений, социальной политики, отношения к молодежи, образованию и т.д. В современных российских условиях студенческий период представляет довольно сложный этап в жизни молодежи, прежде всего по причинам материального характера, поскольку при всей востребованности молодежного труда именно молодежь испытывает наибольшие трудности в процессе трудоустройства [3]. Особенно это относится к молодежи, уже получившей образование и впервые выходящей на рынок труда после получения профессии, и к студенчеству, еще не имеющему полноценного профессионального статуса.

В еще более сложной ситуации находится иностранная студенческая молодежь, проблемы которой носят, с одной стороны, общий для студенческой группы характер, а с другой, – специфический, обусловленный социокультурными различиями этой студенческой группы. На это обстоятельство указывают российские социологи, отмечающие, что иностранные студенты, проходящие обучение в российских вузах, составляют особую категорию, и эта особенность связана с этническим фактором, поскольку, будучи представителями обществ с иными, существенно отличающимися от российского ментальными, институциональными, антропологическими, языковыми, поведенческими и т.д. характеристиками, студенты-иностранцы испытывают значительные адаптационные трудности [4, с. 117]. Отношение к ним может варьировать от простого любопытства, желания познакомиться с представителями другой культуры, другого народа до неприятия и ксенофобии. Потому, – продолжают свою мысль В.Н. Петров, В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева и А.В. Ващенко, – в советское время разрабатывались и применялись специальные программы и методики, направленные на более благоприятный, легкий формат адаптации иностранных студентов к совершенно новым для них условиям социокультурной среды [4, с. 118].

Сегодня отсутствуют единые методики адаптации иностранных студентов к социокультурным и климатическим реалиям российского общества, а прежние уже не могут считаться эффективными в изменившихся условиях самого российского общества, а также, иностранного студенчества, прибывающего в Россию для получения высшего образования. Вместе с тем, в процессе соревнования национальных систем образования, которое выступает одним из ключевых элементов глобальной конкуренции, фактор подготовки профессиональных кадров для зарубежных стран играет значительную роль [5, с. 8], а число иностранных студентов, желающих получить высшее образование в России, поступательно растет, хотя и не так стремительно, как в других странах [6], что, в совокупности, определяет высокую актуальность для социологической науки данной проблематики.

Итак, важным показателем престижа и статуса национальной системы образования на международном уровне является доля иностранных студентов среди численности всех обучающихся студентов, но эта доля в современной России не позволяет причислить нашу страну к странам-лидерам в области обучения иностранных граждан. К таковым сейчас относят Англию, Францию, Австралию, Германию, Канаду при всем том, что до распада СССР для граждан многих стран было престижно получить образование в Советском Союзе, так как оно, особенно по инженерно-техническим специальностям, естественному, высоко ценилось и считалось одним из лучших в мире, чему соответствовал и сам статус СССР как страны, входившей в группу стран-лидеров в важнейших областях науки и техники [5, с. 14.].

Контингент иностранных студентов в СССР почти на 2/3 состоял из граждан развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, и с этой точки зрения мало, что изменилось в современной реальности, однако, все остальное изменилось значительно и не в лучшую сторону. Если в СССР самым серьезным образом подходили к политике в области обучения иностранных граждан, в результате чего была создана централизованная и эффективно функционировавшая система управления обучением иностранных граждан с акцентированным вниманием к изучению ими русского языка по специально разработанной методике преподавания русского языка как иностранного, то в современной России такой централизованной системы нет, а полученный в России диплом уже не расценивается как гарантия карьерного роста.

В результате, иностранные студенты, приезжающие в Россию для получения высшего образования, сталкиваются с целым рядом трудностей и социальных барьеров, для преодоления которых им приходится прилагать колоссальные усилия, поскольку нет отлаженной и эффективной методики и системы адаптации иностранных граждан к условиям социокультурных реалий и образовательного пространства российского общества.

Приезжая в Россию, иностранный студент должен быть готов к тому, что ему придется многие проблемы решать самому, чтобы в непривычной для него социокультурной среде удалось бесконфликтно вписаться в систему социальных отношений и ценностей. Российское общество вряд ли можно отнести к обществам с высокой толерантной культурой, о чем говорит достаточно высокий уровень ксенофобских настроений и межэтнических противоречий в разных регионах страны. Интегрироваться в такое общество студенту, представляющему иную страну со значительными социокультурными различиями, достаточно непросто.

Безусловно, в этом есть вина и самого принимающего сообщества, которое должно быть внимательным к иностранным студентам, стремиться им помочь, понять их, принять в их культурных особенностях, проявляя толерантность и доброжелательность. Для этого само государство должно ответственно и серьезно подойти к созданию условий для более пластичной адаптации иностранных студентов к реалиям российской жизни, оперируя, хотя бы, советским опытом подобной образовательной политики. И здесь мы вновь поднимаем проблему языковой адаптации иностранных студентов, поскольку незнание языка является серьезным барьером на пути эффективной и быстрой адаптации иностранного студента в принимающее сообщество. Изучение русского языка, помимо того, что занимает много времени, представляет еще и значительные сложности для представителей таких стран, как Китай, Таиланд, Индии, Вьетнам, Индонезия [7], а тенденции последних лет таковы, что из стран восточной цивилизации поступательно увеличивается поток студентов.

Таким образом, языковой барьер, зачастую, становится барьером на пути освоения образовательной программы в вузе, что определяет крайнюю важность выстраивания грамотной политики вуза в области языковой подготовки иностранных студентов, нуждающихся в ней.

Помимо социокультурных барьеров адаптации иностранных студентов к российским условиям жизни, немаловажным барьером выступает и экономический фактор. Известно, что в ряде стран современного мира иностранные студенты имеют право работать и, тем самым, зарабатывать себе на жизнь, проявлять свою субъектность в качестве акторов социально-экономических отношений и погружаться в социальную среду через трудовую деятельность, усваивая ценности и нормы принимающего сообщества, его трудовой этос. В России до недавнего времени этот вопрос решался очень сложно. Можно сказать, что и вовсе не решался, так как иностранных студентов редко брали на работу – сам процесс трудоустройства таких ребят в России чрезвычайно долго и сложно протекал, так как требовалось специальное разрешение, но на его получение уходило много времени (около года, а порой и больше).

Конечно, иностранные студенты в стремлении обойти формальные ограничения пытались найти неформальные пути временного трудоустройства для решения материальных проблем, которые, как показывают опросы иностранных студентов, в частности, в Южном федеральном университете, характерны для значительной части обучающихся [8, с. 126]. Однако удавалось это немногим. Данное ограничение, связанное с работой иностранных студентов в России, уже снято, и наша страна получила определенные конкурентные преимущества в борьбе за иностранного студента среди ряда зарубежных стран [6].

Итак, адаптация иностранных студентов к условиям российской социокультурной реальности, достаточно сложной для молодых людей из различных стран, цивилизационно далеких от России, требует от российского государства и его системы высшего образования поиска новых и эффективных подходов и методик к организации образовательной деятельности и академического пространства в целях привлечения граждан других стран к получению высшего

образования в нашей стране и успешного прохождения образовательных программ. От того, насколько успешно будут иностранные студенты преодолевать различного рода социальные барьеры и интегрировать в академическое сообщество и социокультурное пространство общества, будет зависеть имидж национальной образовательной системы и динамика желающих получить высшее образование в России.

Литература:

1. Ситаров В.А. Ценностные трансформации современной студенческой молодежи / В.А. Ситаров // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 202–210.
2. Сергеев Р.В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа / Р.В. Сергеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 127–133.
3. Мищенко Д.Н. Этапы профессиональной мобильности российской молодежи в эпоху глобальной информатизации: факторы риска / Д.Н. Мищенко // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 159–171.
4. Петров В.Н. Особенности адаптации иностранных студентов / В.Н. Петров [и т.д.] // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 117–121.
5. Арефьев А.Л. Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов / А.Л. Арефьев, Ф.Э. Шереги; Министерство образования и науки Российской Федерации. М. : Центр социологических исследований. 228 с.
6. Заграница берет урок. URL : <https://rg.ru/2020/02/25/kakie-proekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhnuiu-molodezh.html>
7. Погукаева А.В. Адаптация иностранных студентов в российском вузе / А.В. Погукаева, Л.Н. Коберник, Е.Л. Омелянчук // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651>
8. Архипов А.Ю. Высшие учебные заведения в привлечении, обучении и адаптации иностранных студентов (на примере Южного федерального университета) / А.Ю. Архипов [и т.д.] // Terra Economicus. 2013. № 1–2. С. 124–128.
9. Тужба Э.Н. Социальная адаптация мигрантов: теоретическая модель анализа / Э.Н. Тужба // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12.
10. Тужба Э.Н. Глобализация культуры: основные измерения и последствия / Э.Н. Тужба // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. Научный журнал. 2011. Вып. 1. Т. 15.

Literature:

1. Sitarov V.A. Axiological transformation of modern student's youth / V.A. Sitarov // Knowledge. Understanding. Skill. 2017. № 2. P. 202–210.
2. Sergeev R.V. Youth and students as social groups and the object of sociological analysis / R.V. Sergeev // Bulletin of the Adygeya State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, sociology, Law, Political science, cultural studies. 2010. № 1. P. 127–133.
3. Mishchenko D.N. Stages of professional mobility of Russian youth in the era of global informatization: risk factors / D.N. Mishchenko // Humanitarians of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 2. P. 159–171.
4. Petrov V.N. Features of adaptation of foreign students / Petrov V.N. [et. al.] // sociological research. 2009. № 2. P. 117–121.
5. Arefyev A.L. Foreign students in Russian universities. Section One: Russia in the international education market. Section two: Formation of the contingent of foreign students for Russian universities / A.L. Arefyev, F.E. Sheregi; Ministry of Education and Science of the Russian Federation. M. : Center for Sociological Research. 228 p.
6. Abroad takes a lesson. URL : <https://rg.ru/2020/02/25/kakie-proekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhnuiu-molodezh.html>
7. Pogukaeva A.V. Adaptation of foreign students in the Russian university / A.V. Pogukaeva, L.N. Kobernik, E.L. Omelyanchuk // Modern problems of science and education. 2016. № 3. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651>

8. Arkhipov A.Yu. Higher educational institutions in attracting, training and adapting foreign students (on the example of the Southern Federal University) / A.Yu. Arkhipov [et. al.] // Terra Economicus. 2013. № 1–2. P. 124–128.
9. Tuzhba E.N. Social Adaptation of Migrants: A Theoretical Model of Analysis / E.N. Tuzhba // Humanitarian, Social, Economic and Social Sciences. 2019. № 12.
10. Tezhba E.N. Globalization of Culture: Basic Dimensions and Consequences / E.N. Tezhba // Scientists Notes of the St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work. Scientific Journal. 2011. Rel. 1. Vol. 15.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

MANAGEMENT ASPECTS OF SMALL-TOWN PERFORMANCE IN GLOBALISATION

Григорьева Наталья Викторовна
кандидат социологических наук,
начальник отдела развития,
Туристско-рекреационный комплекс
министерства туризма, курортов
и молодежной политики
Карачаево-Черкесской республики
popov-52@mail.ru

Natalia V. Grigorieva
Candidate of Sociological Sciences,
Head of Development Department,
Tourist and Recreational Complex
Ministry of Tourism, Resorts
and Youth Policy
Karachay-Cherkess Republic
popov-52@mail.ru

Аннотация. Постсоветские трансформации и новые глобальные вызовы обострили социальные противоречия между малыми и более крупными городами, углубили социальное неравенство в уровне жизни населения страны. В то же время, как отмечает автор, изменение институциональной среды российского общества в процессе реформ не сформировало достаточных условий для развития малых городов, в частности, не оформились институты муниципальной собственности, не была создана благоприятная почва для развития малого предпринимательства, которое бы могло оживить социально-экономическую сферу города. Анализ влияния процессов глобализации на развитие малых городов России позволяет автору сделать вывод о том, что данные процессы способствуют углублению социально-экономического неравенства между регионами нашей страны.

Ключевые слова:

глобализация, глобальные вызовы, малые города, ресурсы малых городов, муниципальная собственность, функциональная направленность малых городов.

Annotation. Post-Soviet transformations and new global challenges have exacerbated social contradictions between smaller and larger cities, deepened social inequalities in the standard of living of the country's population. At the same time, as the author notes, the change in the institutional environment of Russian society in the reform process did not create sufficient conditions for the development of small towns, in particular, did not form the institutions of municipal property, was not created a favorable ground for the development of small business, which could revive the socio-economic sphere of the city. Analysis of the impact of globalization processes on the development of small cities in Russia allows the author to conclude that these processes contribute to deepening socio-economic inequality between the regions of our country.

Keywords: globalization, global challenges, small towns, small-town resources, municipal ownership, the functional orientation of small towns.

Включение России в мировые процессы глобальной интеграции и геополитической конкуренции не может не оказывать влияния на жизнедеятельность малых городов страны и перспективы их развития. Процессы глобализации вынуждают малые города развивать цивилизованные рыночные отношения, ориентироваться на европейские стандарты качества в сфере социальных услуг, использовать новые информационные и инновационные технологии, способные изменять функциональную направленность малых городов, ужесточать требования к экологической безопасности и т.п. [19].

По мнению ряда исследователей, «ресурсы малых городов России огромны. Однако их реализация возможна лишь при условии воссоздания малых городов, как целостных хозяйственных комплексов, развивающихся на основе ресурсов малого города, использующего особенности и связи окружающей территории, систем расселения, специфики региона» [1, с. 51].

Постсоветские трансформации и новые глобальные вызовы обострили социальные противоречия между малыми и более крупными городами, углубили социальное неравенство в уровне жизни населения страны. К сожалению, изменение институциональной среды российского общества в процессе реформ не сформировало достаточных условий для развития малых городов, в частности, не оформились институты муниципальной собственности, не была создана благоприятная почва для развития малого предпринимательства, которое бы могло оживить социально-экономическую сферу города [19; 20].

В условиях новых глобальных вызовов, вставших сегодня перед Россией, начинается поиск внутренних ресурсов развития, которые способствовали бы переходу страны от сугубо сырьевой специализации к перспективным формам производства, которые бы смогли обеспечить страну необходимой продукцией, независимо от импорта и цен на природные ресурсы на мировом рынке. Таким образом, в условиях глобальной конкуренции основными функциями государства являются: обеспечение безопасности и конкурентоспособности страны и стабильное повышение уровня и качества жизни населения [19; 20]. По этой причине остро стоит вопрос о необходимости оживления социально-экономического потенциала малых городов России, эффективное развитие которых позволит скорректировать как сложившееся социальное неравенство между различными типами территориально-поселенческих образований, так и сохранить целостность государства и сформировать доверие населения к политическим институтам. По мнению ученых-урбанистов, именно город является «первичной ячейкой, где устанавливаются основы успешности всей нации, через его социальную среду, экономику и население, активно задействованное в данном процессе» [2, с. 238].

Оптимизация социально-экономической среды малых городов России зависит от различных уровней власти в стране – федерального, регионального, местного.

Федеральный уровень должен содействовать установлению действенной системы правил и норм, которая определяла бы основные принципы эффективного взаимодействия центра, региона и местного уровня управления, к которому относится малый город. В первую очередь, федеральный центр должен осуществлять мониторинг состояния и перспективы развития малых городов. Другой важный аспект роли государства в развитии малых городов заключается в оказании непосредственной государственной поддержки некоторых типов малых городов. Речь идет о необходимости разработки на федеральном уровне власти государственных программ, прежде всего, по поддержке приграничных малых городов, количество которых значительно увеличилось в процессе распада СССР. При отсутствии реальной государственной поддержки таким городам не справиться с возложенными на них функциями, которые определяются их территориальным расположением и геополитическим фактором.

Кроме поддержки такого рода малых городов, государство должно озаботиться развитием малых городов - аграрных центров, способных обеспечить продовольственную безопасность страны. Требуется участие государства и вложение инвестиций в исторические малые города, значимость которых связана не только с их рекреационно-туристской функцией, но и сохранением исторических памятников и традиций. Следует отметить, что усиление интеграционных процессов в сфере экономической, политической и культурной жизни народов, стран, регионов одновременно сопровождается их стремлением оградить свое уникальное территориальное пространство от вторжения иных культурных миров. В настоящее время исторические малые города России, в отличие от мегаполисов, являются отчасти очагами самобытности, где еще сохраняются культурные традиции страны.

В связи с необходимостью улучшения социально-экономического положения российских малых городов, был разработан проект Концепции федеральной целевой программы «Развитие малых городов России (2014–2020 годы)» [3]. Данная концепция предназначена только для малых городов с населением до 50 тыс. человек. Главной целью этой программы является прекращение убыли населения и повышение качества жизни людей. В рамках реализации этой программы определяются приоритетные сферы и задачи [4, с. 54]:

– в социальной сфере: обеспечение качественного образования жителям данных городов; привлечение и удержание специалистов и молодых семей; модернизация отрасли жилищно-коммунального хозяйства и др.;

– в экономической сфере: увеличение объемов производства на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях; формирование инвестиционных площадок и размещение на них новых крупных и средних современных производств;

– в сфере управления: создание систем управления инновационной деятельностью территории при местных администрациях, включая комплекс программно-целевых инструментов с повышенной бюджетной эффективностью; освоение механизмов непрерывного пополнения инновационного потенциала развития предприятий и территорий; формирование систем управления результативным инновационным развитием на предприятиях и др.;

– в сфере ресурсов: обучение и привлечение квалифицированных кадров; привлечение инвесторов и использование современных эффективных финансовых инструментов, таких как облигационные займы, бюджетное финансирование, ориентированное на результат; усиление автоматизации информационных и коммуникационных ресурсов.

Однако в последнее время наиболее востребованными становятся федеральные целевые программы, направленные на поддержку и развитие конкретных регионов, при этом, города исследуются как их элементы. Например, в начале 2014 г. вступила в действие федеральная целевая программа «Юг России (2014–2020 годы)» [5] с общим объемом финансирования в размере 189117,94 млн рублей, из которых около 170 млрд руб. – это средства из федерального бюджета. Программа включает в себя реализацию следующих мероприятий:

– создание общеобразовательных учреждений и объектов здравоохранения; создание инновационного кластера;

– стимулирование инвестиционного спроса;

– снижение уровня безработицы.

Помимо конкретных мер, направленных на развитие малых городов, на федеральном уровне должны быть установлены правила образования административных структур, в частности, местного самоуправления и связанного с ним установления межбюджетных отношений между всеми хозяйственно-административными уровнями. В настоящее время сохраняется несбалансированность принципов бюджетного федерализма, которая ведет к неопределенности в финансовых вопросах и приводит к проблемам во взаимоотношениях «центра» и регионов, регионов и муниципалитетов.

В условиях экономического кризиса, обусловленного падением цен на нефть и введением экономических санкций, федеральный «центр» концентрирует все собираемые в стране налоги в федеральном бюджете для обеспечения «условно-постоянных» расходов государства, что противоречит линии на развитие полновесных федеративных отношений, предполагающих устойчивое и достаточное обеспечение бюджетов всех уровней власти доходами, достаточными для выполнения соответствующих полномочий и задач. Проблема финансирования малых городов является, по мнению специалистов, крайне важной, поскольку «доходы их бюджетов чаще всего не соответствуют даже первоочередным расходам. Основную часть доходов бюджетов городов получают за счет дотаций, субвенций и субсидий, которые регулируются органами власти субъектов Федерации» [6, с. 266].

Однако эффективное распределение финансов и полномочий между различными уровнями власти, координация их функций невозможны без понимания стратегического назначения развития территорий. По мнению исследователей, весь мировой опыт свидетельствует о том, что «любое управление и самоуправление на территории неразрывно связаны с решением принципиальных стратегических вопросов, а именно, в каком направлении на длительную перспективу будет развиваться данная территория, каковы основной политико-правовой институциональный профиль этого развития и структурная модель местного хозяйства и т.д.» [7].

Региональный уровень управления играет не менее значимую роль в развитии малых городов, чем федеральный уровень. Важно отметить, что малые города выполняют ряд важных функций в социально-экономической системе региона.

Во-первых, многие малые города способствуют решению проблем социально-экономического развития сельских поселений.

Во-вторых, посредством малых городов осуществляется также управление обширной территорией региона в целом. Успешное развитие малых городов способно обеспечить устойчивое развитие всего региона в условиях макроэкономической нестабильности.

В силу этого, должны создаваться региональные программы, направленные на поддержку и развитие малых городов региона. Эти программы должны охватывать пути развития города в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Программное управление выступает одной из форм организации управленческой деятельности, применяемой для повышения эффективности функционирования и развития сложных социальных объектов. Город, как раз, и является сложным социальным объектом, представляющим собой территориально-поселенческую систему, которая включает с себя различные элементы: инфраструктуру, промышленность, социальную сферу и т.д.

Региональные программы перспективного развития малых городов не должны носить формального характера, напротив, они должны быть направлены на поиск новых форм функциональной специализации малого города, соответствующих его ресурсному потенциалу и современным тенденциям общественного развития. Региональная поддержка малых городов, определение перспективных направлений их развития являются надежной инвестицией в стабильное развитие региона. Поэтому, по мнению исследователей, устойчивое развитие регионов должно опираться на экономический потенциал городских и сельских поселений [8, с. 7].

Мониторинг экономического потенциала малых городов должен включать оценку состояния и ресурсов малых городов, являющихся административными центрами муниципальных районов, а также оценку экономических потенциалов остальных муниципальных образований.

Федеральные и региональные программы, направленные на модернизацию социально-экономической структуры малых городов, должны помочь решить проблему успешной интеграции страны в мировое пространство, в котором новые территории будут приобретать все большую ценность. Поэтому роль малых городов в этом процессе окажется незаменимой. Как справедливо отмечают ученые, «при огромной территории и низкой плотности заселенности исчезновение с карты страны каждого небольшого города – осязаемая потеря» [6, с. 265].

Следует отметить, что управление городом в настоящее время проходит изменения, связанные с экономическими преобразованиями и внешними вызовами, вызванными ужесточением геополитической и геоэкономической конкуренции в условиях глобализации.

В такой ситуации особое значение приобретает качество муниципального управления, поскольку «город – это целостный организм, открытая, сложная и специфическая система, подвергаемая изнутри воздействию не менее сложных элементов, осуществляющих свои действия в его рамках и подчас расшатывающих эту целостность (например, действия администрации предприятий, вмешательство вышестоящих структур в дела города). Все это сказывается на механизме управления городом» [2, с. 237].

Ключевыми инструментами современного муниципального управления являются два взаимосвязанных блока управления: управление текущей деятельностью городских подсистем и стратегическое управление. Управление текущей деятельностью осуществляется посредством структурно-функционального подхода. Объектами функционального управления являются водо-, газо-, тепло-, электроснабжение, уборка мусора, состояние и эксплуатация жилого фонда, дороги, благоустройство города.

Стратегическое управление опирается на инновационно-эвристический подход, который ориентирован не на поддержание функционирования различных городских подсистем, а на их развитие. Управление, направленное на развитие, включает создание новых и развитие старых производств, развитие городской инфраструктуры, решение проблемы занятости населения, повышение уровня благоустройства.

Не умаляя значения управления текущей деятельностью городских подсистем, следует отметить необходимость стратегического управления, поскольку характер внутренних и внешних вызовов определяет потребность в формировании муниципального управления, которое отвечало бы потребностям современного развития общества.

Стратегическое управление социально-экономическим развитием малого города – это процесс моделирования его будущего на основе имеющихся сегодня местных ресурсов. По мнению исследователей, стратегическое управление включает в себя [9, с. 170]:

- координация групповых интересов внутри сообщества;
- мониторинг реальных ресурсов, ограничений и благоприятствующих факторов;
- постановку реально осуществимых задач и целей;
- создание программ и планов действий.

Следует отметить, что если в советский период развитие малых городов было связано исключительно с потребностями производства, то в настоящее время целью стратегического управления развитием города является создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения этих городов. Именно это отмечают современные исследователи, утверждающие, что «независимо от форм расселения город должен выполнять свою главную функцию – создание благоприятных условий для развития сущностных сил человека, без решения этой задачи не только человек обречен на жалкое существование, но и сам город» [2, с. 238].

В связи с этим, стратегическое развитие должно опираться на оценку качества жизнедеятельности человека во всех аспектах, степень ее соответствия современным мировым стандартам.

Однако, чтобы обеспечить уровень жизни населения, необходимо помимо федеральных и региональных программ развития разрабатывать и внедрять муниципальные целевые программы развития малых городов, реализация которых призвана решить ряд проблем социально-экономического характера, на основе имеющихся ресурсов. Как отмечают специалисты, «муниципальная целевая программа представляет собой увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение задач в области экономического, экологического, социального, культурного и иного развития территорий» [10, с. 69].

Таким образом, в настоящее время реализация программно-целевого управления в малых городах России должна опираться не на принципы управления, применяемые в советский период (директивное планирование, ориентация на количественные экономические показатели, мобилизационный характер управления и т.п.), а на принципы экономической целесообразности, политической рациональности, рыночной эффективности и конкурентоспособности. Реализация этих принципов позволит обеспечить комплексный подход к развитию малых городов на основе инновационно-инвестиционной стратегии, укрепить их конкурентные преимущества и обеспечить стабильность их социально-экономического положения.

В условиях дефицита финансирования малые города должны научиться использовать свои источники и внутренние ресурсы. Конечно, возможности конкурентоспособности малых городов по сравнению с крупными городами сильно ограничены. Но, несмотря на это, они также способны стать вполне конкурентоспособными именно в силу своей величины. К конкурентным преимуществам малых городов можно отнести наличие более комфортных условий жизни населения, чем в крупных городах; более благополучную ситуацию с экологией; более низкую стоимость земли и недвижимости. В частности, Е.М. Марков выделяет следующие преимущества малых городов [11]:

- непосредственная близость к природе; наличие территорий для дальнейшего роста и развития; благоприятная экология;
- менее напряженный ритм жизни; быстрый доступ к местам трудовой деятельности;
- расположение объектов социальной инфраструктуры в пределах пешей доступности.

Ученые отмечают, что малые города более гибки и адаптивны к быстро меняющимся условиям из-за масштабов управляемости [12].

На сегодняшний день в научной литературе сложился подход, согласно которому город можно рассматривать как квазикорпорацию, участвующую в конкурентной борьбе на рынках товаров, услуг, капитала: «муниципальное образование как квазикорпорация представляет собой особую организацию населения, основанную на совладении корпоративной собственностью и развитии договорных отношений между населением в лице соответствующих органов власти и хозяйствующими субъектами, с помощью которой население представляет, защищает и удовлетворяет свои социально-экономические интересы» [13, с. 159]. Такое понимание современного муниципального управления заставляет искать внутренние резервы для развития города.

В условиях усиливающейся конкуренции важной технологией в управлении малыми городами должен стать маркетинг как способ планирования, прогнозирования городского развития с целью удовлетворения потребностей населения, а также, привлечения как внешних, так и внутренних инвестиций. В целом, маркетинг призван обеспечить улучшение инвестиционного климата в городе.

В России тенденция к деурбанизации проявляется пока лишь в ближайшем Подмосковье, т.е., в регионе, где сконцентрирован огромный экономический, финансовый и кадровый потенциал. В настоящее время многие крупные российские компании (металлургические, нефтегазодобывающие и др.) размещают свои главные офисы в малых городах Московской области, тем самым, вкладывая значительные финансовые средства в их развитие. В результате, эти города развиваются достаточно быстрыми темпами. На наш взгляд, для обеспечения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности малых городов России важным фактором может стать развитие транспорта, дорожной сети, средств связи между малыми и крупными городами страны.

Более того, в малых городах имеется больше предпосылок к организации местного самоуправления как одного из институтов гражданского общества. Непосредственные отношения и связи людей гораздо теснее, местная власть ближе к населению, и потому ее ответственность перед гражданами выше. Безусловно, что в таких условиях решать проблемы городского развития гораздо проще и эффективней.

По мнению Н.А. Костко, «местное самоуправление есть одна из форм стремления человека к демократии и свободе» [2, с. 241].

Разработка стратегии развития малых городов должна учитывать те преимущества и ресурсы, которые могут обеспечить его развитие и конкурентоспособность. В качестве ключевых характеристик последнего можно выделить следующие уникальные преимущества, которые позволят городу занять свою нишу на рынке товаров и услуг.

В качестве преимуществ малого города может выступать наличие благоприятного предпринимательского климата, развитой инфраструктуры, квалифицированных кадров, уникальных туристических объектов, экологической среды и т.п. Так, исследователи обращают внимание на такую эффективную технологию для развития сферы туризма в малых городах, как «организации событий»: «привлекательные события служат своеобразными маяками в деле привлечения внимания к проблемам малого города. Приехав на какие-либо мероприятия и получив приятные впечатления, возможно, посетитель проявит интерес к прилегающим местностям и вернется еще не раз [14, с. 91]. Действительно, организация мероприятий событийного туризма позволяет занять свою нишу на рынке туристических услуг. Более того, экономическая значимость такого рода мероприятий выражается в том, что при проведении происходит активизация всей туристической индустрии, не только традиционных объектов гостиничной и экскурсионной сферы, но и объектов, культурного наследия [14, с. 91]: инновации в области информационных технологий, позволяющие внедрять и использовать новые методы управления. Исследователи отмечают, что сегодня «без информационных технологий не будет рационально функционировать управление ни в одной системе: ни в государстве, ни в городе, ни на предприятии» [15]. Более того, возможности информационного пространства обеспечивают перестройку функций малых городов с чисто производственных (связанных преимущественно с материальным производством) на рекреационные, социально-инфраструктурные, информационные и др. Это происходит при изменении способов оценки функций малого города, которые длительное время осуществлялись на основе освоения и использования сырьевых ресурсов.

В современной системе управления городом «актуализируются информационные механизмы обеспечения качества предоставления муниципальных услуг, базисом в которых являются Интернет-технологии» [2, с. 50].

Информационные технологии в управлении городом открывают широкие возможности для организации эффективного взаимодействия городских властей с населением, для активного участия граждан в обсуждении и решении общественно значимых проблем городского развития. Как отмечают специалисты, «электронное взаимодействие становится одним из механизмов работы органов местного самоуправления с населением» [16, с. 18].

В настоящее время во многих странах на основе информационно-коммуникационных технологий реализуются проекты, которые получили название «Умный город». Данные проекты предполагают кардинальное изменение системы городского управления. Приоритетными сферами системы «Умный город» чаще всего выступают энергосбережение, безопасность, экологичность, электронное правительство и доступность услуг [17, с. 236].

Конечно, в России в условиях дефицита ресурсов такого рода проекты являются достаточно отдаленным будущим. Однако тенденции мирового развития таковы, что именно внедрение такого рода системы управления позволит городам успешно развиваться, быть экономичными и конкурентоспособными. Исследователи отмечают, что, «несмотря на большое количество проблем и преград, «умные города» уже становятся реальностью. Существует множество примеров реализации концепции «умных городов». Например, такие города, как Масдар (ОАЭ), Джазан (Саудовская Аравия), Долина PlanIT (Португалия), Донгтан (Китай), Инчхон и Сонгдо (Южная Корея)» [18]. Таким образом, в современном мире разрабатываются и внедряются новые принципы организации жизнедеятельности городов: – партнерство как форма управления малым городом. Исследователи подчеркивают, что городское сообщество следует, в первую очередь, рассматривать как партнерское сообщество равных ассоциированных членов, каждый из которых при осуществлении взаимодействия получает не только преференций, а долгосрочные условия для решения своих проблем и интересов в режиме бесконфликтности и непроти-

воречивости. Так, представители частного бизнеса при взаимодействии с властью минимизируют риски, а муниципальный сектор экономики оптимизирует свою деятельность как равный партнер рыночных отношений, выполняя функцию управляющего собственностью от имени населения [2, с. 242].

Важную роль в процессах адаптации малых городов к новым социальным условиям играет развитие партнерства с другими городами как внутри страны, так и за рубежом. Это позволяет приобретать и конструктивно использовать как отечественный, так и зарубежный опыт городского управления.

В целом, следует отметить, что в сложившейся ситуации необходимо формировать адекватную современным вызовам систему муниципального управления малыми городами.

Проведенный нами анализ влияния процессов глобализации на развитие малых городов России позволяет сделать вывод о том, что данные процессы способствуют углублению социально-экономического неравенства между регионами нашей страны.

Мы также отмечаем, что неблагоприятное положение регионов сказывается на уровне бедности городов, включенных в их территориальное пространство. В связи с этим, важно подчеркнуть, что малый город – это структурный элемент региона, поэтому развитие и благополучие региона непосредственно зависит от уровня развития малых городов, входящих в его состав. Это является основанием для оживления роли малых городов в региональном развитии.

В условиях нарастания глобальной конкуренции и экономического кризиса малые города начинают приобретать стратегическое значение, поскольку являются субъектами российской экономики на мезоуровне и в этом качестве способны обеспечить устойчивые позиции развития российской экономической сферы.

Оптимизация социально-экономической среды малых городов России зависит от различных уровней власти в стране – федерального, регионального, местного (муниципального). Федеральный уровень должен содействовать установлению действенной системы правил и норм, которая определяла бы основные принципы эффективного взаимодействия центра, региона и местного уровня управления, к которому относится малый город. Региональный уровень управления должен охватывать пути развития города в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Успешное развитие малых городов способно обеспечить устойчивое развитие всего региона в условиях макроэкономической нестабильности.

Литература:

1. Макущенко Л.В. Малые города в структуре российского общества : дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.
2. Костко Н.А. Социальное управление городов: методологические основы исследования и тенденции развития / Н.А. Костко // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6.
3. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие малых городов России (2014–2020 годы)» // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PNPA; n=2488> (дата обращения 25.12.2015).
4. Аблова Н.О. Совершенствование оценки экономического потенциала малых и средних городов при формировании программы устойчивого регионального развития : дис. ... канд. экон. наук. М., 2015.
5. Об утверждении Федеральной комплексной программы «Юг России (2014–2020 годы)». Постановление Правительства РФ от 26.12.2013. № 1297 // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения 12.01.2016).
6. Зыкова Н.В. Малые города в системе социально-экономического развития региона: современные тенденции и проблемы / Н.В. Зыкова, С.В. Хозяинова // Проблемы современной экономики. 2011. № 4.
7. Бондарев С.В. Местное самоуправление в контексте постсоветских институциональных трансформаций: политико-правовой анализ / С.В. Бондарев // Философия права. 2008. № 5.
8. Аблова Н.О. Оценка экономического потенциала малых и средних городов как инструмент управления органами региональной и местной власти / Н.О. Аблова // Ежемесячный научный журнал. 2015. № 2(7).

9. Старовойтов В.Г. Формирование современной стратегии развития малых городов : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006. С. 17.
10. Чистова М.В. К вопросу об эффективности применения целевых программ в управлении социально-экономическим развитием муниципальных образований региона КМБ / М.В. Чистова // Современные тенденции в экономике и управлении. 2010. № 3. С. 69.
11. Марков Е.М. О малых городах. URL : http://www.smgrf.ru/docs/smgrf.ru_markov_o_malih_gorodah.rtf (дата обращения 11.02.2016).
12. Николаева Н.А. Конкурентоспособность города: взгляд зарубежных ученых. URL : <http://koi.cfin.ru/press/marketing/2001-6/07.shtml@text> (дата обращения 11.02.2016).
13. Рощина И.В. Муниципальное образование и сфера социально-трудовых отношений: взаимообусловленность влияния / И.В. Рощина, Н.А. Дятлова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373.
14. Токарева О.Б. Роль туристического маркетинга в стратегическом управлении малым городом / О.Б. Токарева // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 5.
15. Старовойтов М.К. Использование системного подхода в управлении городами / М.К. Старовойтов, Л.Н. Медведева // Экономическое возрождение России. 2007. № 3.
16. Гаврин А.С. Информационное обеспечение местного самоуправления как фактор повышения самоуправленческой активности горожан / А.С. Гаврин, А.А. Попкова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2013. № 3.
17. Магомедалиева О.В. Концептуальные основы создания и развития современной городской инфраструктуры на базе использования современных технологий / О.В. Магомедалиева, Э.И. Магомедалиева // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 23.
18. Макаров С. Умный город: рождение детальной концепции / С. Макаров // CNEWS: сетевое издание. 2013. URL : http://www.cnews.ru/reviews/index.shtml?2013/06/17/532456_5 (дата обращения 24.03.2016).
19. Тужба Э.Н. Глобализация и социальная идентичность: социокультурный анализ // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал) 2013. № 10.
20. Тужба Э.Н. Глобализация культуры: основные измерения и последствия / Э.Н. Тужба // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. Научный журнал. 2011. Вып. 1. Т. 15.

Literature:

1. Makushchenko L.V. Small towns in the structure of Russian society : dis. ... cand. of econ. Sciences. M., 2005.
2. Kostko N.A. Social management of cities: methodological foundations of research and development trends / N.A. Kostko // Bulletin of the RUDN. Series: Sociology. 2004. № 6.
3. On approval of the Concept of the federal target program «Development of small cities in Russia (2014–2020)» // SPS «Consultant Plus»: Legislation: Prof. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PNPA; n=2488> (date of application 25.12.2015).
4. Ablova N.O. Improving the assessment of the economic potential of small and medium-sized cities in the formation of a program for sustainable regional development : dis. ... cand. econ. sciences. M., 2015.
5. On the approval of the Federal Integrated Program «South of Russia (2014–2020)». Resolution of the Government of the Russian Federation of 26.12.2013. № 1297 // SPS «ConsultantPlus»: Legislation: Prof. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (date of application 12.01.2016).
6. Zykova N.V. Small towns in the system of socio-economic development of the region: modern trends and problems / N.V. Zykova, S.V. Khostinova // Problems of modern economy. 2011. № 4.
7. Bondarev S.V. Local self-government in the context of post-Soviet institutional transformations: a political and legal analysis. 2008. № 5.
8. Ablova N.O. Assessment of the economic potential of small and medium-sized cities as a tool for managing regional and local authorities. 2015. № 2(7).
9. Starovoitov V.G. Formation of a modern strategy for the development of small cities : dis. ... doctors of economics. M., 2006. P. 17.

10. Chistova M.V. K voprosu o effektivnosti primeneniya tselevykh programmov v upravlenii sotsialno-ekonomicheskom razvitiimunicipalnykh obrazovaniy regiona K MV / M.V. Chistova // Modern trends in economics and management. M., 2006. P. 17. 2010. № 3. P. 69.
11. Markov E.M. About small towns. URL : http://www.smgrf.ru/docs/smgrf.ru_markov_o_malih_gorodah.rtf (date of application 11.02. 2016).
12. Nikolaeva N.A. Competitiveness of the city: the view of foreign scientists. URL : <http://koi.cfin.ru/press/marketing/2001-6/07.shtml@text> (date of application 11.02.2016).
13. Roshchina I.V., Dyatlova N.A. Municipal education and the sphere of social and labor relations: the interdependence of influence // Bulletin of Tomsk State University. 2013. № 373.
14. Tokareva O.B. The role of tourism marketing in the strategic management of a small city / O.B. Tokareva // Economics and Management: analysis of trends and prospects for development. 2013. № 5.
15. Starovoitov M.K. The use of a systematic approach in urban management / M.K. Starovoitov, L.N. Medvedeva // Economic revival of Russia. 2007. № 3.
16. Gavrin A.S. Information support of local self-government as a factor of increasing self-government activity of citizens / A.S. Gavrin, A.A. Popkova // News of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics. 2013. № 3.
17. Magomedalieva O.V. Conceptual foundations of the creation and development of modern urban infrastructure based on the use of modern technologies / O.V. Magomedalieva, E.I. Magomedalieva // Modern trends in economics and management: a new look. 2013. № 23.
18. Makarov S. Smart city: the birth of a detailed concept / S. Makarov // CNEWS: network edition. 2013. URL : http://www.cnews.ru/reviews/index.shtml?2013/06/17/532456_5 (date of application 24.03.2016).
19. Tuzhba E.N. Globalization and social identity: sociocultural analysis / E.N. Tuzhba // Modern studies of social problems (electronic journal) 2013. № 10.
20. Tuzhba E.N. Globalization of culture: main dimensions and consequences / E.N. Tuzhba // Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. Scientific journal. 2011. Iss. 1. Vol. 15.

**КОРПОРАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ:
ПРОБЛЕМАТИКА МЕТОДОЛОГИИ**

**CORPORATIONS AS A SOCIAL PHENOMENON:
THE PROBLEM OF METHODOLOGY**

Кушу Арсен Моссович

аспирант,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
kam-2011@bk.ru

Arsen M. Kushu

Postgraduate Student,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
kam-2011@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу корпорации как социального феномена. Подчеркивается историчность тенденций корпоративизма, а также, некоторая универсальность, не отрицающая определенной социокультурной специфики. Автор считает, что для понимания современной корпорации целесообразно привлекать структурно-функциональный, синергетический и марксистский подходы. В то же время, в статье подчеркивается необходимость избегания суженного понимания корпорации через политэкономическую сферу. Явление корпоративизма много шире и касается сфер, непосредственно не связанных с капиталистическим процессом (клубы исторической реконструкции).

Ключевые слова:

корпорация, синергетическая методология, структурно-функциональный подход, марксистский подход, типология корпораций.

Annotation. The article is devoted to the theoretical analysis of the corporation as a social phenomenon. The author emphasizes the historical trends of corporatism, as well as some universality that does not negate a certain socio-cultural specificity. The author believes that it is reasonable to involve structurally functional, synergetic and Marxist approaches to understand the modern corporation. At the same time the article emphasizes the need to avoid a narrow understanding of the corporation through the political economy. The phenomenon of corporatism is much wider, and it concerns areas directly not related to the capitalist process (clubs of historical reconstruction).

Keywords:

corporation, synergetic methodology, structural-functional approach, Marxist approach, typology of corporations.

В современном мире одним из главных субъектов институционального уровня социальных процессов выступают корпорации. Надо сказать, что в отношении данного явления существуют довольно неоднозначные методологические трактовки, которые обусловлены как их принадлежностью к определенным социально-философским и социологическим школам, так и, в некоторой степени, оценочными предпочтениями. В данной статье мы намерены разобраться именно с методологической проблематикой теоретического феномена корпорации, поскольку, с нашей точки зрения, в настоящий момент он нуждается в более расширенном толковании.

Если обратить внимание на знаковый феномен нынешней действительности – глобализацию, то здесь корпорации рассматриваются в качестве, едва ли, не важнейшего актора (Г. Дробот, К. Крауч, Д. Роткопф), сочетающего как экономические, так и социальные функции. В современном общественном сознании популярна трактовка корпорации как крупной хозяйственной организации (более 5 тыс. работников), занимающей доминирующие позиции в определенной экономической отрасли, нацеленной на развитие нескольких бизнес-направлений, как правило, производственного и финансового характера. Важная отличительная черта корпорации – наличие нескольких центров принятия решений, которые принимаются коллегиально [2, с. 18]. Кроме того, подчеркивается активное сотрудничество корпорации с государством (К. Крауч, С. Перегудов). Рост политического веса отдельных крупных корпораций дает повод британскому со-

циологу К. Краучу предполагать, что именно к ним может перейти роль ведущих глобальных игроков при продолжающемся снижении значения национальных правительств [3, с. 183].

Как можно полагать, трактовка корпорации в значительной мере обусловлена социальной средой и социальной проблематикой. Роль современных ТНК в мировой системе переоценить трудно, особенно в связи с принципом «вращающейся двери», характеризующего взаимодействие руководства корпорации и правительственных структур [7]. Очевидность этого принципа демонстрируется составом правительства Д.Трампа, куда вошли многие представители международного бизнеса. Однако является ли такое понимание корпорации исчерпывающим? С одной стороны, можно понять упомянутых авторов, которые, по сути, исходят из соображений объективной значимости. С другой стороны, это не отрицает необходимости видеть корпоративизм, отнюдь, не только в экономической, а, вернее, в политэкономической сфере.

Интересное видение корпорации предлагает Л.Б. Логунова, взяв за основу *синергетический подход*, социально-философский ракурс которого уже предполагает расширительное понимание названного явления. Констатируя усиление процессов хаотизации общественного бытия и, соответственно, разнообразие социальных рисков, этот исследователь считает корпорацию результатом естественного стремления субъектов к стабильности, что осуществляется через групповую организацию. «Управленческие отношения, направленные на стабилизацию, становятся доминирующими... Смысл организации - упорядочивание стихийного процесса. В организациях и посредством организаций реализуется стабильность и надежность человеческого существования, повторяемость исторических событий и на этой основе – прогнозируемость и гарантируемость будущего» [5].

Л. Логунова предлагает типологию корпораций с точки зрения способа ее внутренней организации, во многом отталкиваясь от типов господства М. Вебера. Так, **патриархальная корпорация** полагает своей основой отношения личной зависимости, которая и в целом, и в целом направлена на поддержание стабильности и сохранение существующего положения дел. Лидерство в корпорации во многом определяется властью авторитета и силы. Такого рода корпорации получили наибольшее распространение в традиционных обществах, например, король и его свита.

Харизматическая корпорация отличается еще большим авторитетом лидера, который фактически персонифицирует главные корпоративные ценности, а в управлении использует существенную эмоциональную составляющую. В отличие от патриархальной, этот тип корпорации, зачастую, имеет преобразовательные цели. Здесь примером может служить революционная организация или религиозная секта.

Рационально-бюрократическая корпорация предполагает формально-правовую основу организации господства и власти. Управление осуществляется посредством законов, реализуясь технически через деятельность бюрократии. Признаком рационализации деятельности корпорации является личная беспристрастность, деперсонализация функционального поведения. Бюрократическая корпорация есть нечто вроде машины, представляя собой четкий «механизм управления социальными процессами, ставший наиболее распространенным способом социальной интеграции современного индустриального общества» [5, с. 109].

Наконец, **гуманистическая корпорация** представляет собой особый тип, который Л. Логунова принципиально отличает от трех предыдущих «авторитарных» типов. Такая корпорация возникает на основе оставшегося за пределами структурированного социального бытия области социальной стихии, некоего «неорганизованного» осадка. Гуманистическая корпорация не предполагает принуждение, но основана на ценностях свободы и самостоятельности. Принципом объединения здесь является любовь, понимаемая «не как индивидуально-психологическое переживание, но как историческая связь, общность, братство, родство душ» [5, с. 111]. Примерами подобного типа корпораций служат общины первых христиан в античную эпоху, в средневековье – кружки гуманистов или Платоновская Академия, на сегодняшний день – экологические организации, различные формы социальной благотворительности. Можно полагать, с некоторыми оговорками, сюда можно отнести российское волонтерское движение.

Сильной стороной подхода Л. Логуновой следует считать более широкий методологический охват, с точки зрения которого корпоративным организациям придается исторический и социокультурный смысл. В то же время, нам кажется не совсем оправданной интерпретация корпорации только на основе синтеза синергетического и веберовского подхода, потому что в этом случае оказывается недооцененным один из основных факторов образования корпорации – социальный интерес.

Существенную помощь в понимании эволюции трактовок корпоративизма может оказать *структурно-функциональный подход*. Именно здесь корпорация рассматривается как структу-

ра, сочетающая групповые стремления, но и стремящаяся найти свою нишу в русле общественных задач. Истоки именно современного корпоративизма не случайно отыскиваются в конце XIX века, когда «дикий капитализм» стал вытесняться организованным капитализмом. Изначально, корпоративизм наделялся не столько социально-экономическим, сколько социально-политическим смыслом, возникнув в качестве основы теории корпоративного государства, успешно регулирующего взаимоотношения между трудом и капиталом на компромиссной основе. Здесь большая методологическая помощь была оказана теорией солидаризма французского ученого Л. Дюги, видевшего в государстве «работающую корпорацию», обеспечивающего классовую гармонию, что оппонировало марксистскому тезису классового противоборства. Следует сказать, что теория надклассового корпоративного государства получила практическое воплощение в первой половине XX столетия с весьма различными результатами. Можно отметить как менее успешный (нацистская Германия), так и относительно удачный (франкистская Испания, салазаровская Португалия) опыты.

Однако идея корпоративного государства по понятным причинам оказалась идеологически опороченной, что не в последнюю очередь поспособствовало поиску каких-то иных теоретических оснований корпоративизма. В 1980-е годы заявляет о себе либеральный корпоративизм (Д. Хайнц, Ф. Шмиттер, Э. Хольтман), который, как можно судить, нес на себе некоторый отпечаток идеологического противоборства. В корпорациях виделись свободные объединения имеющие возможность влиять на государственные решения. Другими словами, корпорации рассматривались в качестве элементов гражданского общества.

Несколько более подкорректированный вариант сложился в теории неокорпоративизма, упирающегося на взаимодействие основных субъектов – государства, объединений предпринимателей и профсоюзов. Однако роль верховного арбитра в подобной связке, все же, предписывалась государству. Так, по ставшему классическим определению Ф. Шмиттера, корпоративизм представляет собой «систему представительства интересов, в которой составляющие ее субъекты (units) организованы в ограниченное число принудительных, монопольных, иерархических [по своему характеру], признаваемых, а иногда и создаваемых государством, которое гарантирует им указанную монополию в обмен на определенную степень контроля за подбором их лидеров, выработкой требований и приверженности» [4, с. 39].

Структурно-функциональный подход, характеризующий взаимодействие экономических и политических структур, тесно соприкасается с *марксистским подходом*, который склонен здесь видеть воплощение стремлений господствующих групп или, проще говоря, классовый интерес последних. В пользу этого свидетельствует факт усиления государственного корпоративизма не только в России (С. Перегудов, Д. Брагин), но и за рубежом, причем, в передовых западных странах (К. Крауч, Д. Роткопф, И. Валлерстайн). В рамках анализа характеристик такого политико-экономического симбиоза, структурный функционализм и марксизм не столько опровергают, сколько дополняют друг друга. Союз крупного бизнеса и правительственных структур, несомненно, взаимовыгоден и не только с позиции личных интересов, но, нередко, может играть конструктивную роль для общественных задач, в целом, хотя, взаимоотношение классово-корпоративных, общественных целей и стремлений неоднозначно и постоянно меняется. Нечто подобное имеет в виду С. Перегудов, утверждая, что вопросы: Как сказываются процессы корпоративизации на отношениях между обществом и властью? В каком направлении они подталкивают политическое развитие страны и ее политического режима? остается открытым. «Верхний этаж» политической системы, который опирается на корпоративно-бюрократическую подсистему, срачивается и взаимодействует с ней, но не подчинен ей, имея и другие, более широкие политические ресурсы и приоритеты. Так что, назвать Россию корпоративным государством или «государством корпорацией», в котором правит бал корпоративный интерес – это не просто большое преувеличение, но и неадекватное толкование тех принципов, на которых базируется политическая структура и политическая система страны» [6, с. 57].

Д. Брагин, отмечает неоднородность российских государственных корпораций именно с точки зрения их функционального назначения. Он констатирует здесь наличие трех групп госкорпораций:

Корпорации первой группы (Внешэкономбанк, «Роснано») нацелены на компенсацию провалов, как рынка, так и государственной системы управления, а также – на формирование финансовых институтов развития в виде госкорпораций.

Корпорации второй группы (Фонд содействия реформированию ЖКХ, «Олимпстрой») стремятся к повышению эффективности и гибкости административной системы, «аутсорсингу» отдельных функций государственных органов управления на уровень госкорпораций.

Наконец, третья группа (Росатом, Ростехнологии) включает корпорации, которые создаются для повышения конкурентоспособности отдельных стратегических отраслей, обеспечения национальной безопасности, а также – для реструктуризации и консолидации соответствующих активов [1, с. 195].

В то же время, принимая во внимание вышеприведенные рассуждения Л. Логуновой, имеет смысл расширительно взглянуть на явление корпоративизма в современной России, не ограничиваясь сферами экономики и политики. Отечественный социум пронизывают как глобалистские, так и постмодернистские тенденции, в целом, работающие на большее социокультурное разнообразие. В качестве примера гуманистического типа корпорации, с нашей точки зрения, служат клубы исторической реконструкции. Эти организации основываются на исключительно добровольной основе и объединяют энтузиастов-поклонников той или иной исторической эпохи, элементы которой воссоздаются в ходе фестивалей, а также – турниров исторического фехтования. Реконструкторское движение в России имеет своих лидеров, например, таких как историки К. Жуков, О. Соколов и др.

Таким образом, подытоживая вышеизложенный материал, целесообразно отметить, что корпорация представляет собой многозначное явление, исчерпывающее понимание сущности которого невозможно без методологического разнообразия. С позиции структурно-функционального и марксистского подходов корпоративизм следует рассматривать как историческое явление, формы которого во многом зависят от доминирующего социального типа. В то же время, в механизмах образования корпораций имеется ряд универсалий, которые удачно выявляет уже синергетический подход. Наверняка, привлечение культурологических методов, связанных с особенностями национальной традиции и национального сознания, значительно расширит и углубит понимание корпоративизма, связанного с социокультурной средой конкретного общества. Но эта проблематика заслуживает рассмотрения в рамках уже отдельной статьи.

Литература:

5. Брагин Д.А. Государственные корпорации в России и их эволюция / Д.А. Брагин // Экономика и управление. 2010. № 11(72). С. 195–198.
1. Кочетков А.П. Корпоративные элиты. М. : РОССПЭН, 2012. 220 с.
6. Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? Постдемократия. М. : Изд-во ВШЭ, 2010. С. 161–185.
2. Кривошеев В.Т. Социальное партнерство и корпоративизм: российская специфика / В.Т. Кривошеев // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 38–44.
3. Логунова Л.Б. Корпорации как тип социальной интеграции / Л.Б. Логунова // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 105–112.
4. Перегудов С.П. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия / С.П. Перегудов // Полития. 2007. № 1(44). С. 52–64.
5. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М. : АСТ: Астрель : Полиграфиздат, 2010. 475 с.

Literature:

1. Bragin D.A. State Corporations in Russia and their evolution / D.A. Bragin // Economics and Governance. 2010. № 11(72). P. 195–198.
2. Kochetkov A.P. Corporate Elites. M. : ROSSPEN, 2012. 220 p.
3. Crouch K. What will follow the decline of privatized Keynesianism? Post-democracy. M. : HSE, 2010. P. 161–185.
4. Krivosheev V.T. Social Partnership and Corporatism: Russian Specifics / V.T. Krivosheev // Sociological Studies. 2004. № 6. P. 38–44.
5. Logunova L.B. Corporation as a type of social integration / L.B. Logunova // Sociological studies. 1996. № 12. P. 105–112.
6. Perehudov S.P. Business and bureaucracy in Russia: dynamics of interaction / S.P. Perehudov // Politia. 2007. № 1(44). P. 52–64.
7. Rothkopf D. Superclass. Those who rule the world. M. : ACT : Astrell : Polygraphsdate, 2010. 475 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 23.06.2020

Подписано в печать 26.06.2020

Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная

Печать riso.

Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», помещ. 41/3
Тел. +7(918) 41–50–571

Заказ № 2174/1

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: www.id-yug.com